

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [К. М. Карягин](#)

- ☐ [Предисловие](#)

- ☐ [Введение](#)

- ☒ [1](#)

- ☒ [2](#)

- ☒ [3](#)

- ☐ [Глава I](#)

- ☐ [Глава II](#)

- ☐ [Глава III](#)

- ☐ [Глава IV](#)

- ☐ [Глава V](#)

- ☐ [Глава VI](#)

- ☐ [Глава VII](#)

- ☐ [Глава VIII](#)

- [notes](#)

- ☐ [1](#)

- ☐ [2](#)

- ☐ [3](#)

К. М. Карягин
Конфуций
Его жизнь и философская
деятельность
Биографический очерк
С портретом Конфуция,
гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

Сведения о жизни большинства великих людей древних времен обыкновенно мало достоверны. Действительность и истина в них так тесно сплетаются с легендой и фантазией, что потребны долгие научные изыскания, чтобы отделить достоверные факты от вымысла.

Не то представляют собой сведения о жизни и учении китайского мыслителя и реформатора Конфуция. Китайские летописцы рассказывают о жизни и деяниях своего великого учителя без всяких прикрас и преувеличений и лишь с небольшой дозой фантастического вымысла, когда рассказ ведется о зачатии и рождении Конфуция; их рассказ так прост и естествен, что нет ни малейшего основания относиться к нему с недоверием. В европейской литературе существует несколько переводов китайских классических писателей на немецком, французском и английском языках. При составлении биографии Конфуция мы пользовались следующими изданиями:

1. "The Chinese Classics". Полное издание священных книг Китая. Перевод *Legge'a*, члена лондонского миссионерского общества.

2. "History of Chine" by *Thornton*.

3. "L'Univers. La Chine" par *Pauthier*.

4. "Религии востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм".

В.Васильева.

5. "Религии древнего мира". Архимандрита *Хрисанфа*.

6. "Религии Востока". Т. 1. *Его же*.

7. "Китай в гражданском и нравственном отношениях". О.

Иоакимфа Бичурина.

8. "История религий". Т. 11. – Спб., 1869 – 1872.

9. "Современный Китай". *Жюль Симона* и др.

Введение

***Краткий очерк истории Китая до
Конфуция***

Приступая к изложению жизни и учения великого философа Китая, мы считаем необходимым предпослать этому изложению краткий очерк истории Китая до Конфуция, – чтобы познакомить читателя, во-первых, с эпохой, когда жил и действовал великий учитель Китая, и, во-вторых, – с предшествовавшим этой эпохе историческим периодом, когда жили мудрецы, у которых Конфуций заимствовал основы и принципы своего учения.

Китайская народность, представляющая собой загадочное и своеобразное явление в истории, является старейшей из всех существующих в настоящее время народностей, пережившей все другие народы, память о которых сохранила нам история и которые или исчезли без следа, оставив по себе только памятники, свидетельствующие о их минувшем величии, или же настолько изменились, что потеряли свой первобытный тип. Между тем китайцы остались точно такими же, какими они были целые тысячелетия тому назад. Уже в глубокой древности они представляют собой один из образованных и культурных народов, но, достигнув известной степени цивилизации, остановились на ней и до сего времени сохранили ее почти без изменения такой, какова она была три тысячи лет тому назад. Уже в глубокой древности они считались такими же отличными хлебопашцами, какими являются в настоящее время. Земледелие стояло у них на высокой степени развития. Они были хорошо знакомы со свойствами разного рода почв и их удобрением и орошением. Они с успехом садили тутовые деревья и добывали шелк, умели ткать шерстяные и бумажные материи и производить разного рода домашние и военные орудия, чеканили монету, добывали краски, тушь, умели выделывать разного рода вещицы из рога и слоновой кости – одним словом, в механическом труде обладали той же степенью совершенства, какой отличаются и теперь.

Пластические искусства им были также небезызвестны, но в них они далее первых начал не пошли – их рассудочной и сухой натуре чужд идеал красоты, у них были и произведения живописи, и произведения скульптуры, но как те, так и другие, отличались свойственными им и в настоящее время мелочностью и причудливостью в последних, и необыкновенной яркостью красок и кропотливостью в первых. Их архитектурные произведения также не показывали особенной широты воображения, хотя и отличались своеобразностью, как вообще все у китайцев. Большая часть зданий строилась из бамбука на каменном фундаменте, храмы их, собственно, были небольшие

часовни или просто большие дворы, окруженные колоннами, в конце которых помещался обыкновенно алтарь для жертвоприношений.

В глубокой же древности ими были выработаны и религиозные воззрения, очень темные, сбивчивые и неопределенные. Сущность этих воззрений такова: они поклонялись небу и земле как отцу и матери всего существующего. Небо считали повелителем и владыкой мира, землю – повелительницей; таким образом, небо у них считалось мужским началом, Ян, активным и совершенным двигателем бытия и жизни, земля же – женским, Инь, началом мертвым, бездеятельным и неподвижным. Все совершенные явления китайцы принимали за Ян, а несовершенные – за Инь. Но Ян в их представлении постоянно соединяется с Инь, как отец и мать в рождении. Вместе с поклонением небу и земле они почитали духов или демонов в качестве представителей отдельных сил и явлений природы и поклонялись душам предков, на которых смотрели как на покровителей живых; по их понятиям, души умерших предков могли давать им мудрые советы или же преследовать их своим гневом. В честь неба и земли, а также духов и предков, были учреждены различные праздники и приносились жертвы; во время жертвоприношений играла музыка и пелись стихи.

Последние показывают, что у китайцев в те времена были и литературные произведения. Действительно, письма были изобретены в Китае в отдаленной древности и первоначально состояли из простых изображений упоминаемых предметов, а впоследствии введены значки, состоявшие из трех линий – одной длинной и двух коротких – и их разнообразных комбинаций. Этими-то значками и были написаны древние книги китайцев. Научные знания стояли у них до времен Конфуция также на довольно высокой степени развития.

В давние времена им было уже известно употребление магнитной стрелки, или компаса, они знали законы движения небесных тел и умели предсказывать затмения солнца и луны. Благодаря этим астрономическим знаниям у них сыздавна было установлено правильное времяисчисление. С давних пор в году 366 дней, а для уравнивания скоростей в движении солнца и луны был установлен високосный год; поэтому в Китае из каждых 19 лет двенадцать имеют по 12 месяцев и семь – по 13. Вообще естественные и математические знания о них достигли довольно высокой степени развития. Медицина им также была знакома, и их медики были довольно искусны в своем деле. Между китайцами и до сих пор существует убеждение, что если небо

посылает болезни, то оно же дает и средство против них. Наконец, у них существовали для воспитания юношества школы. Одним словом, в те времена китайцы были те же, и у них существовало то же, что и теперь, лишь с небольшими изменениями. Даже нравственный склад их остался тот же: и в те времена они отличались вежливостью, кротостью, терпением, необыкновенным трудолюбием, с одной стороны, и хитростью, коварством, надменностью и корыстолюбием – с другой, за исключением, разве что, нетерпимости и замкнутости – черт, развившихся у них уже после Конфуция.

По некоторым историческим данным можно судить, что в древности китайцы охотно принимали у себя чужеземцев и заимствовали у них многое полезное для себя. Весьма вероятно, что эти чужеземцы, которых правители Китая охотно брали в свои помощники, и развили в Китае те культурные начала, какие мы видим там и поныне.

Культурные начала, краткий очерк которых мы дали в предыдущей главе, были выработаны китайцами при мудром и мирном правлении их первых богдыханов. Правление у китайцев того времени, как и у современных, было монархическое, патриархальное. В основе социального строя стояла семья с отцом во главе; в политическом быте народ составлял одну семью, отцом которой считался богдыхан; и как в семье члены ее беспрекословно подчинялись главарю, так и народ глубоко чтит своих правителей, на которых он смотрел, как на божество. Богдыхан был сын неба, и его личность считалась священной и неприкосновенной, впрочем, до тех пор, пока он своими делами соответствовал назначению свыше. В противном случае само небо давало право народу выражать свой протест и неудовольствие и даже прибегать к насилию. В древних книгах Китая говорится: “взгляд неба можно узнать во взглядах народа; что не нравится небу, можно узнать в желаньях народа”. По воззрениям китайцев, государь – сосуд, народ – вода. Какую форму имеет сосуд, такую форму примет и вода; каков государь, таков и народ. Вследствие этого воззрения древние законодатели подчинили поведение государя известному общественному порядку, переступить который он не мог, не прогневив своего отца – небо. Древние китайские мудрецы говорили, что добродетель должна быть основой правительства и что государь может быть действительным благодетелем народа, если будет заботиться о доставлении ему следующих девяти благ: воды, огня, металлов, дерева, хлеба, умения употреблять эти вещества на пользу, жить в согласии с ближними, сохранять здоровье и беречь жизнь. Судя по китайским летописям, первые государи Китая, которые являются уже вполне историческими лицами, а не героями мифов, Фу-си-шы, Хоан-ти, Яо, Ю, Шун и большинство богдыханов из династий Ся (2205 – 1766) и Шунь (1766 – 1122) были именно такими царями-благодетелями, и народ при их царствовании был вполне счастлив. Мы расскажем о деяниях некоторых из этих мудрых богдыханов.

Первым богдыханом, еще полумифической личностью, летописи называют мудрого Фу-си-шы. Он царствовал за 3468 лет до Рождества Христова. Ему приписывается установление религиозных обрядов, изобретение письменных знаков и 60-летнего цикла. Он дал первоначальное устройство гражданской жизни. Желая внушить к изданным законам большее доверие, Фу-си-шы сказал, что он списал их со спины дракона, явившегося ему

из глубокого озера. Этим он хотел показать, что его законы даны божеством, а потому и неповиновение им есть грех перед божеством. Ему же приписывается изобретение двух музыкальных инструментов: *кин*, род 27-струнной лиры, и *сзе* – гитара о 36 струнах. Письменный памятник его называется *И-Кинг* – книга превращений; в ней излагается начало и происхождение всего видимого и превращения существ животного и растительного царств сообразно с временами года. За Фу-си-шы после нескольких богдыханов вступил на престол воинственный Хоан-ти, при котором был изобретен компас. Китайские летописи говорят, что он с успехом пользовался им во время своих походов. При нем государство было разделено на 10 областей и введена десятичная система веса и меры. Ввиду военных целей, а также и торговых, он повсюду в государстве провел дороги и улучшил способы водяного сообщения. Для поднятия нравственного уровня народа он учредил жертвоприношения Всевышнему духу.

После Хоан-ти наиболее знаменитым богдыханом является Яо, правивший за 2350 лет до Рождества Христова. С Яо история Китая делается вполне достоверной. Яо дал окончательное устройство гражданской жизни. При нем было установлено правильное времяисчисление. Яо были изданы первые писанные уголовные законы. Эти законы определяли клеймение лица, резание ног, рук, осклопление, смерть за тяжкие преступления; за легкие – плеть. Принималось также во внимание, обдуманно или необдуманно совершено преступление, и сообразно этому определялось наказание. В некоторых случаях, когда, например, преступником является один сын престарелой матери, его оставляли без наказания. Еще при жизни Яо выбрал себе в преемники Шуна и сделал его своим соправителем.

Шун и Яо думали, что само небо управляет народами в лице государей и что государь есть истинный наместник неба. Полагая, что между небом и землей есть таинственная связь, они старались составить гражданские законы по образцу небесных. Эти государи были образцами добродетелей для своих подданных. Они думали, что счастье и благосостояние народа зависит от него самого, то есть от его доброй нравственности. Добрая же нравственность народа, по их мнению, зависела не от законов, а от примера, какой им давала высшая власть, то есть государь и его чиновники. Они думали, что народ более склонен следовать тому, что высшие любят, а не тому, что они предписывают. Кроме того, они сознавали, что добрую нравственность в народе может упрочить просвещение; поэтому они старались улучшить воспитание юношества и усовершенствовать школьное учение. Когда Яо умер, был назначен трехгодичный траур для всего

народа. Шун, его преемник, значительно смягчил уголовные законы и из практиковавшихся кар сохранил только наказание палкой, конфискацию имущества и изгнание.

Подобно Яо, он избрал себе в соправители даровитого юношу Ю. Во время их совместного правления (в 2297 году и следующих) в Китае было большое наводнение от беспрерывно лившихся дождей, обративших всю страну в одно сплошное болото. В продолжение 20 лет правители и народ старались осушить почву, что им и удалось наконец.

При осушении страны Ю тщательно изучал почвенные условия и произведения местности и отводил землю под хлебопашество, деля ее на участки. Затем поля он перерезал различной длины каналами, которые служили во время наводнения для стока вод, а в засуху для орошения. Участки давались, смотря по качеству почвы, от 100 до 300 му (му = 1210 англ. фут.) и были обложены поземельной податью, состоявшей из 1/10 части урожая. После Ю следовал целый ряд мудрых правителей из династии Ся и Шань. При них вводились постепенно разного рода законы, имевшие своею целью благосостояние граждан. Наибольшее внимание обращалось на сельское хозяйство, в преуспейании которого было заинтересовано и правительство; но надо заметить, что оно имело в виду, кроме уравниения налога и земских повинностей, предотвращение чрезмерного обогащения одних и обеднения других, а также чтобы земледельцы не предавались лености и праздности. Вследствие этого все полевые работы производились под непосредственным надзором правительственных чиновников. Правительство указывало сроки пахания земли и время посева и уборки; оно же издавало правила, как и чем удобрять землю.

Для удовлетворения нужд народа в случае неурожая правительством были учреждены запасные хлебные магазины, куда поступала четвертая часть трехлетнего государственного дохода. Хлеб сохраняли от порчи, давая его в ссуду земледельцам, нуждавшимся в зернах для посева. Осенью при сборе жатвы ссуды возвращались обратно в казну. Во время же неурожая хлеб раздавался без возврата.

Благодаря этим благоразумным мерам, благосостояние народа находилось в цветущем положении. Народ спокойно и мирно жил при мудром и кротком управлении. Государство за это время окрепло и расширило свои пределы. При последних богдыханах из династии Шань, которая с 1401 года до Рождества Христова приняла наименование Инь, в Китае насчитывалось 24 вассальных княжества, находившихся в сюзеренной зависимости от богдыхана. Но затем в истории Китая наступает кризис.

Последний богдыхан из династии Инь отличался жестоким и деспотическим характером. Ни князья, ни народ не любили его, и этим воспользовался могущественный и храбрый правитель княжества Чжеу. Он восстал против тирана и лишил его престола. Вступив на престол богдыхана, он, боясь за неприкосновенность своей власти и чтобы усилить ее и умножить число приверженных ему людей, роздал массу областей в вассальное владение своим близким людям, родственникам и друзьям и умножил таким образом число княжеств до 156. Это-то и послужило причиной смут, целые столетия потрясавших государство и особенно усилившихся в эпоху, предшествовавшую рождению Конфуция, которая представляет ту же историческую картину, какую мы видим в средние века в феодальной Европе или в удельный период истории России. Китайской империи в эту эпоху пришлось пережить целый ряд неурядиц, смут и междоусобий, долгой ожесточенной борьбы с варварскими пограничными народами. Разделенная на множество мелких владений, признававших только номинально зависимость от богдыхана, империя, по-видимому, находилась на краю гибели. Каждое из этих владений желало усилиться и расширить свои пределы за счет соседних областей и являлось, таким образом, рассадником распрей и междоусобных войн. Вся китайская история того времени переполнена рассказами о братоубийственных войнах, коварных интригах, изменах и возмущениях против богдыхана. Выработанные культурные начала стали забываться и приходили в упадок. Религия находилась в презрении, законы бездействовали, сильные притесняли слабых, крупные землевладельцы отнимали земли у мелких собственников и оставляли их без клочка земли. Последние умножали собою бесчисленные толпы бродяг и нищих, не признававших никакой власти и законов.

Возникли неведомые до сих пор воровство и грабежи, всю тяжестью падавшие на тот же народ, который без того уже страдал под игом беспрестанных войн и должен был доставлять средства для содержания бесчисленных армий. В истории Китая указывается, что эти армии иногда состояли из сотен тысяч человек. Народу же приходилось строить крепости и нести остальные тяжелые работы, вызываемые потребностями военного времени, доставлять средства князьям и вельможам на постройку дворцов, украшения колесниц и драгоценными камнями и на различные пиршества и празднества. Конечно, вся такая неурядица вызывала ропот даже этого известного своим

терпением и трудолюбием народа. Отголоски его ропота дошли до нас, сохранившись в безыскусственных народных песнях того времени. Подавляемый массой поборов и налогов и непосильным трудом, народ был близок к возврату в первобытное состояние варварства. Должна была наступить пора преобразований. Надо было водворить в государстве порядок и призвать народ к новой жизни. При безначалии и нравственной и политической распущенности, господствовавшей в Китае в эту эпоху, должны были, наконец, явиться преобразователи нравов, здравый голос которых указал бы народу и правителям путь к истине, призвал бы их к повиновению законам.

И действительно, в это время стали появляться люди, стремившиеся тем или иным путем внести покой и мир в государство, – люди, сознававшие всю необходимость его объединения.

Среди них были и полководцы, мечтавшие достигнуть заветной цели силою оружия, и политики, старавшиеся путем дипломатических уловок и переговоров достичь того же (дипломатия и в то время имела большое значение, как это видно из существовавшего тогда выражения “трехдюймовый язычок стоит стотысячной армии”), и, наконец, философы. Последние видели спасение страны в установлении и улучшении нравственного и религиозного быта народа, во введении строгого порядка, основанного на правильных гражданских и уголовных законах, и в предложении целого ряда мер к поднятию материального благосостояния народа, улучшения его сельского хозяйства и промышленности.

Из этих философов наиболее известны Лао-цзы, Конфуций и Менций, ученик Конфуция.

Лао-цзы был основателем существующей и поныне в Китае религии даосистов. Эта религия основана на древнем, принадлежащем востоку Азии мирозерцании, по которому коренной причиной всего существующего признается высшее вечное духовное существо, а человеческие души – изливанием (эманацией) этого существа. Сообразно этому Лао проповедовал метампсихозис – верование, что душа, не запятнанная грехами, возвращается к своему божественному началу, тогда как грехи осуждают ее на пребывание в других телах животного мира. Во имя этой идеи Лао проповедовал также презрение к внешности, подавление вожделений и страстей и провозглашал приобретенное этим путем душевное спокойствие величайшим благом.

Это учение, заимствованное, по всей вероятности, Лао-цзы у индусов, существует, как мы сказали, в Китае и поныне; оно

распространено, главным образом, среди черни, но не приобрело того успеха, какой выпал на долю другого знаменитого китайского философа – Конфуция, к описанию жизни и учения которого мы сейчас перейдем.

Генеалогия Конфуция. – Его рождение, детство и юность. – Поступление на службу. – Женитьба. – Служебные успехи

Китайские летописцы ведут генеалогию своего реформатора от полумистического богдыхана Хоан-ти, изобретателя цикла и компаса, царствовавшего за 2637 лет до Рождества Христова^[1]. По их словам, большая часть предков Конфуция отличалась выдающимися способностями и занимала важные административные, военные и гражданские посты в государстве. На одного из этих предков, жившего в восьмом столетии до Рождества Христова, указывают, между прочим, как на большого любителя и знатока старинных обычаев и древней истории, – наследственная черта, перешедшая впоследствии к Конфуцию. Об отце Конфуция, которого звали Шу-лиан-хо, летописи повествуют следующее: Хо служил в военной службе и отличался необыкновенным ростом, силою и удивительною храбростью, о которой рассказывают чудеса. Он был назначен правителем третьестепенного городка Чеу (нынешний Чеу-хиен), находившегося в вассальном княжестве Лу. Хо имел двух жен; от первой, или главной, жены у Хо было девять дочерей, а от второй – слабый, вскоре умерший сын, по имени Ман-пи. Хо желал иметь после себя наследника; поэтому он, когда главная жена его умерла, решил жениться вторично, несмотря на свой преклонный возраст – ему было 70 лет. После долгих колебаний выбор его пал на известное в городе семейство Иен, в котором было три сестры. Отец молодых девушек, хотя и очень желал породниться с Шу-лиан-хо, но не принуждал своих дочерей к этому неравному браку. Призвав их к себе, он передал им предложение Хо и, указав на знатное происхождение жениха и на то, что Хо, несмотря на старость, обладает необыкновенною силою и храбростью и занимает важный пост градоправителя, сказал:

– Мне бы очень хотелось, чтоб предложение Хо было принято! Кто из вас желает быть его женою?

Две старшие дочери промолчали, младшая же, по имени Чинг-тси, отвечала:

– Зачем вы спрашиваете нас? Не в вашей ли воле решить это!

Тогда отец предложил ей выйти замуж за Хо. Чинг-тси согласилась. Через девять месяцев после свадьбы у них родился сын, будущий законодатель Китая. Рассказывая о жизни и деяниях Конфуция, китайские летописи не приписывают ему ничего чудесного и легендарного, за исключением одного периода, именно рождения Конфуция, – здесь фантастический

элемент выступает на сцену. Самое зачатие, период беременности и, наконец, рождение мудреца сопровождаются разного рода чудесными явлениями. Легенды повествуют, что вскоре после свадьбы молодая жена, боясь, что у нее вследствие старости мужа не будет ребенка, упросила своего супруга съездить с нею на холм Ни-киеу. Здесь она обратилась с жаркою молитвою к верховному существу Шанг-ти. Просьба ее была услышана, и она зачала сына. Когда она спускалась с холма, деревья и травы склонились перед нею. В саду, принадлежавшем Шу-лиан-хо, явилось чудовище Ки-линь, явление которого всегда предвещало какое-нибудь великое событие. Это чудовище выбросило из желудка яшмовый камень. На камне были начертаны следующие слова: “Когда династия Чжеу будет клониться к упадку, родится младенец, чистый, как кристальная вода; он будет царем без царства”.

Во время беременности Чинг-тси увидала во сне черного Ти, который сказал ей, что она родит сына у дуплистого тутового дерева. Чинг-тси, при приближении родов, спросила у мужа, где находится такое дерево. Тот указал ей это место. Тогда Чинг-тси пожелала отправиться туда. Шу-лиан-хо был сильно поражен этим желанием, но, узнав о ее сне, согласился и приказал сделать все необходимые приготовления. В ночь, когда родился младенец, над холмом все время парили в воздухе два дракона и стерегли холм справа и слева, в небесах раздавались упоительно гармонические звуки и голоса незримых духов пели: “Небеса трепещут от радости при рождении святого сына!” Когда младенец явился на свет, из земли стал бить ключ чистой теплой воды и исчез, как только младенец был омыт. Сам новорожденный обладал необыкновенной, даже чудовищной наружностью, – например, рот его был подобен озеру, губы, как у быка, спина, как у дракона, и т.д. Летописцы, конечно, придавали этим признакам аллегорическое значение. Но оставим легендарные сказания и перейдем к фактическим данным.

Подлинная биография Конфуция составлена очень тщательно его учениками. Она обилует многими любопытными фактами, знакомящими нас как с личностью самого китайского философа, так и с нравами и обычаями его эпохи.

Китайские хронологические таблицы указывают рождение Конфуция на 21 день 10 месяца 20 года царствования богдыхана Линг-Ванга (мудрого царя), то есть в 551 году до Рождества Христова. При рождении Конфуцию было дано имя Киеу – (холм), в знак памяти о холме, на котором молилась его мать. Сведения о детском периоде жизни Конфуция очень скудны. Известно, что на третьем году жизни он лишился отца, отличался необыкновенным

послушанием матери, почтительностью к старшим, был тих, степенен и рассудителен не по возрасту и что его любимыми детскими забавами были игра в церемонии и жертвоприношения. Рассказывают, что он часто собирал своих сверстников и проделывал с ними все то, что он замечал за старшими, когда они приветствовали кого-либо по всем правилам церемоний, или раскладывал в порядке на столе все, что попадалось ему под руку, как бы принося жертвы предкам, потом падал ниц и, ударяя головой об землю, проделывал все церемонии, принятые в подобных случаях. В этих детских забавах рано сказался будущий Конфуций, страстный приверженец всех старинных обычаев.

О школьном воспитании Конфуция также не сохранилось вполне достоверных сведений. Существует предание, что, когда Киеу исполнилось семь лет, его мать, до того времени сама занимавшаяся воспитанием сына, хотела найти ему учителя, но, будучи еще очень молодой, не решилась взять к себе кого-либо в дом и отдала Киеу в общественное училище. Общественные школы были учреждены в Китае еще при его первых государях, которые сознавали, что добрую нравственность в народе может упрочить только просвещение, и вследствие этого старались улучшить воспитание юношества и усовершенствовать школьное учение. При них и особенно при последующих богдыханах стали учреждать училища во всех городах и даже в деревнях. В этих училищах давалось воспитание всему юношеству без различия званий. Каждый ребенок, достигший восьми лет, мог поступить сначала в низшее училище, где ему прежде всего преподавали правила вежливости, затем обучали обрядам, музыке, стрельбе из лука, возничеству и счету. По достижении 15 лет более даровитые, кто бы они ни были, сыновья ли богдыхана, или сыновья крестьянина, поступали в высшее училище, где им преподавали нравственную философию. Надо прибавить, что в этих училищах воспитание мало развивало самостоятельное мышление, а сводилось главным образом к заучиванию на память нравственных сентенций и сведений, завещанных предками. В такую школу поступил и Конфуций, где его стали звать Чунг-ни. Вскоре Чунг-ни затмил всех сотоварищей своим прилежанием, кротостью, скромностью и успехами в ученье. На 17-м году он был назначен помощником своего учителя, известного ученого Пинг-Чунга, который был вместе с тем и градоправителем того города, где жили Конфуций и его мать. Молодой Чунг-ни, исполняя свою обязанность репетитора, старался по возможности не задевать самолюбия товарищей и возбуждал их рвение скорее собственным поведением, чем наставлениями. Все время своего пребывания в училище он занимался с неустанным прилежанием,

изучая сочинения древних авторов, имевших огромное влияние на развитие его ума и сердца. Вообще Конфуцию удалось приобрести в молодые годы много разнообразных сведений, обилие которых впоследствии поражало и удивляло его слушателей.

По окончании своего образования Конфуций, уступая желанию матери, поступил на государственную службу. Ему было дано невидное место торгового пристава, обязанность которого состояла в надзоре за свежестью припасов на рынках и в лавках. Заняв эту скромную должность, Конфуций вовсе не считал себя униженным или обесчещенным, несмотря на то, что происходил из знатного рода, и не старался уклониться от возложенных на него обязанностей, но, напротив, тщательно и добросовестно относился к ним и сам во все вникал. Он сознавал, что и на этом скромном месте может быть полезен своим согражданам и родине. С самого раннего утра Конфуций, сопровождаемый сведущими и опытными людьми, обходил рынки и лавки, осматривая овощи, мясо и хлеб, причем поощрял честных торговцев и строго преследовал мошенников, и благодаря этим мерам достиг блестящих результатов. Время, свободное от службы, он продолжал посвящать ревностным занятиям наукой и проводил его почти постоянно дома, изредка только делая прогулки за город с целью поближе ознакомиться с бытом и хозяйством земледельцев или посещая запасные хлебные магазины. Время, посвященное этим прогулкам, не пропадало у него даром, здесь он старался добыть себе те знания, каких не находил в своих книгах – расспрашивал земледельцев о качествах возделываемой ими почвы, о средствах сделать ее более плодородной, о средствах предохранения хлебных зерен от прорастания и т.д. Одним словом, он не пренебрегал ничем, что имело хоть малейшее отношение к его обязанности. Наградой ему было за это всеобщее глубокое уважение к нему со стороны его сограждан и громкая слава о его мудрости, которая осталась за ним навсегда.

На 19-м году своей жизни Конфуций вступил в брак с девицей из знатной фамилии, по имени Ки-коан-ши.

Через год у них родился сын. Князь Лу, узнав о рождении сына, прислал в подарок Конфуцию пару рыб из породы карпов. Карп по-китайски называется *ли*, Конфуций в знак благодарности за милость и внимание князя назвал новорожденного *Ли*, а впоследствии дал ему прозвание *Пейю*, что значит первая рыба. Кроме сына у Конфуция была еще дочь.

В это же время Конфуций получил повышение и на своем служебном поприще. Князь Лу назначил его, по единодушному

желанию сограждан и непосредственного начальства Конфуция, инспектором пахатных полей, лесов и стад и дал ему полное право отменять прежние порядки и вводить новые. И в этой должности Конфуций выказал блестящие способности.

Он вникал в малейшую мелочь сельского хозяйства и не упускал ничего из виду, что могло хотя несколько содействовать возвышению и улучшению сельскохозяйственного быта. Он достигал своей цели то убеждениями и просьбами, то угрозами и наказаниями, то вовремя поданной помощью. Усилия его увенчались блестящим успехом. При его управлении быт земледельцев изменился к лучшему, заброшенные поля обратились в богатые нивы, стада и породы домашних животных умножились и усовершенствовались.

Глава II

Смерть матери. – Отставка. – Первое выступление Конфуция как общественного учителя. – Трехгодичный траур. – Занятия наукой и искусствами. – Конфуций делается известным и приобретает последователей. – Его первое путешествие и применение его теоретических познаний на практике. – Занятия музыкой и взгляд Конфуция на музыку как на средство смягчения народных нравов

Благодаря своим заслугам и плодотворной деятельности Конфуций сильно выделился из среды остальных чиновников княжества, и все сулило ему впереди самую блестящую будущность; но внезапная смерть матери принудила его оставить службу и удалиться от общественной деятельности на целых три года. Смерть матери его произошла в 528 году до Рождества Христова.

В Китае издревле существует обычай, который требует, чтобы сыновья, по смерти отца или матери, выдерживали трехгодичный траур, причем чиновники гражданские и военные должны выходить в отставку и могут снова вступить в свою должность не ранее истечения срока траура. Это называется у китайцев *восстановлением*. Когда в семье нет сына, то подобный долг должен исполнить внук, правнук или же приемыш. В продолжение траура нельзя пить вина, выходить из дому, иметь сношение с женой и бывать на пиршествах^[2]. Конфуций слишком уважал древние обряды, чтобы мог пренебречь хоть малейшей их деталью, и он строго выполнил все, что требовалось обычаями. Выйдя в отставку, он, прежде всего, занялся погребением тела матери, желая похоронить ее вместе с телом умершего двадцать лет тому назад его отца в одной общей могиле. При погребении Конфуций в первый раз выступил в роли общественного учителя. “Соединенные при жизни, – сказал при этом философ, – не должны быть разлучены и по смерти. Положите их тела рядом – тело мужчины на восток, тело женщины на запад, с головами, обращенным на север, и ногами, обращенными на юг. Чтобы предохранить тела от хищных зверей, вложите их в гробы из толстых четырехдюймовых досок, пропитанных маслом или покрытых лаком, а чтобы по возможности долее предохранять их от разрушения, поставьте гробы на земляные холмы!”

Это погребение во многом отличалось от соблюдавшихся тогда похоронных обычаев. Современники Конфуция совершенно забыли обычаи предков и хоронили покойников как попало, на пустырях, несколько дней носили по ним траур и затем забывали

о них. Не так думал Конфуций. В своих первых поучениях он горячо упрекает сограждан в неуважении к усопшим, в общей нравственной развращенности; говорит, что люди утратили стыд и совесть и на самые возмутительные вещи смотрят равнодушно. Он старается вразумить граждан, что человек, царь земли, которому все подчиняется на ней, есть драгоценнейшее создание из всех живущих под небом, достоин всякого уважения и что равнодушие к оболочке его души есть унижение человеческого достоинства и низведение его на степень грубого животного. Он говорил:

– Любите друг друга и весь род человеческий, всю цепь, которой каждый из вас составляет отдельное звено. Все вы всегда и всем обязаны усопшим. Не было бы одних и других не было бы. Живые должны быть благодарными усопшим за оказанные ими при жизни благодеяния. Самый простой и естественный способ возблагодарить усопших состоит в воздаянии почестей их памяти и именно по тем обрядам, которые существовали в первые времена империи. Без сомнения, и наши потомки воздадут, в свою очередь, нам те почести, какие мы воздаем нашим предкам. Почести, воздаваемые вами тем, кого вы заместили на земле, воздадутся вам теми, кто заместит вас, в свою очередь.

Пример Конфуция не остался без подражателей, а его наставления без последователей. Забытые обычаи старины воскресли, возобновились и существуют до настоящего времени.

Похоронив мать, Конфуций начал исполнять предписанный трехгодичный траур. Все это время он жил в уединении, вполне предавшись оплакиванию своей потери и научным занятиям. В это время он, вероятно, изучил в совершенстве все то, что не успел узнать в школе или во время службы.

“Учить и с каждым днем совершенствоваться не так же ли приятно, как встретиться с другом, пришедшим из далеких стран?” – говорит Конфуций. По мнению Конфуция, человек должен все свое свободное время употреблять на обучение.

Мрачная и горькая действительность окружающей жизни не могла его удовлетворить, и он стал искать утешение в прошедших временах. Конфуций весь предался изучению священных книг древности и постановлений великих и мудрых древних правителей, в уста которых он впоследствии и стал вкладывать высказываемые им высокие нравственные идеи. Впоследствии он ставит таких мудрых правителей древности, как Яо, Шун, Ю и другие, в образец совершенных людей, как примеры нравственного совершенства и наилучшего управления. По этим примерам и образцам он и решился действовать неуклонно во всю свою жизнь. Кроме изучения древних книг и законов,

Конфуций за это время прилежно занимался усовершенствованием себя в так называемых шести свободных искусствах, без знания которых человек, по мнению китайцев, не может считаться образованным. Это шесть свободных искусств – музыка, духовные и гражданские обряды, математика, каллиграфия, искусство биться на всяком оружии и управлять колесницей.

По истечении срока траура Конфуций сложил, как требовалось обычаями, на гробнице матери свои печальные одежды и вновь возвратился к общественной жизни. Он не пожелал занять опять прежнюю должность, но решился продолжать свои ученые занятия и только по прошествии пяти лет усиленной деятельности постиг вполне основы того учения, проповедованию и распространению которого он посвятил остальные годы своей жизни.

Вскоре слава о его учености и мудрости распространилась по всему Китаю, и к нему стали стекаться со всех сторон жаждавшие знания и истины. К нему приходили люди всех возрастов и состояний – старые и молодые, богатые и бедные, знатные и простолюдины, и он никому не отказывал в мудром совете. Некоторые из молодых и пылких юношей сделались его учениками и постоянно находились при нем, другие же приходили к нему только по мере надобности и затем опять возвращались к своим обязанностям. Князь удельного княжества Иен, услышав о мудром философе, прислал к нему одного из своих вельмож спросить совета, как лучше управлять народом.

Выслушав посланного, философ отвечал:

– Не зная ни государя, ни его подданных, я не могу ничего посоветовать, что могло бы быть полезно ему и его народу. Если бы он спросил у меня, как поступали древние государи в том или ином случае, я бы охотно исполнил его желание, потому что я говорю только то, что мне известно. Передайте вашему князю в точности мои слова!

Ответ философа был, без сомнения, передан, потому что на следующий год Конфуций был при дворе князя Иен и работал там с успехом над реформами законов и нравов. Окончив свою задачу, Конфуций собрался домой.

– Приехав сюда, я исполнил свой долг, – сказал он, – исполняя его и уезжая отсюда. Теперь я могу быть полезен еще где-нибудь.

Из княжества Иен он отправился в княжество Кин, где жил знаменитый музыкант Сианг. Там Конфуций хотел окончательно усовершенствоваться в музыке, на которую он смотрел как на один из драгоценнейших даров неба человеку, возвышающий и

облагораживающий характер человека, утишающий страсти, обуравшие человеческую душу, и дающий чистое и невинное наслаждение. Окончательное усовершенствование потребовало немного времени у Конфуция – он постиг всю ее премудрость с небольшим в две недели, из чего мы можем заключить, что музыкальные требования того времени были не слишком обширны и сложны. В самом деле, в одном из своих изречений Конфуций дает в высшей степени простой совет, как обучиться музыке. Он говорит: “Музыке легко выучиться: при начале игры все инструменты должны быть настроены; в продолжение игры все должно идти плавно, внятно, без диссонанса; то же и в конце”.

Как бы то ни было, Конфуций дорожил музыкой и ввел ее в свое преподавание как средство для смягчения народных нравов. В одной из канонических книг, составленных Конфуцием, сказано: “Желаете ли образоваться, – тщательно изучайте музыку. Музыка выражает и живописует нам союз неба с землею. С богослужением и музыкой в империи ничего не может быть невозможного”. Он даже, по словам летописцев, сочинил книгу о музыке, к сожалению, затерянную. Те же летописцы передают следующие слова Конфуция, сказанные им, когда он явился в последний раз к Сиангу, чтобы отдать отчет в разученной им пьесе:

– Теперь я похож на человека, с горной вершины обозревающего пройденное пространство и всю окрестность. В музыке я вижу то, что в ней возможно видеть. Благодаря постоянству и прилежанию я понял таинственный смысл древней пьесы, мною разыгранной. Играя ее, я переживал все, что испытал ее составитель, – мне казалось, что я его вижу, слышу, говорю с ним. Воображаю себе этого составителя человеком среднего роста с несколько печальным лицом, с большими ласковыми глазами, с кротким приятным голосом – словом, в сочинителе песни вижу великого правителя Ву-ванга. Угадал ли я?

Сианг подтвердил его догадку и в восторге воскликнул:
Я должен быть вашим учеником, а не вы моим!

Глава III

Возвращение в Лу. – Продолжение ученых занятий. – Путешествие в княжество Тси. – Встреча на пути. – Пребывание в княжестве Тси. – Поездка в Чжеу. – Мнение самого Конфуция о его учении. – Изречения древних китайских мудрецов и отзыв о них Конфуция. – Свидание Конфуция с Лао-цзы

Посещение княжества Иен и Кин убедили Конфуция в пользе и необходимости путешествий. Он увидал, что только этим путем можно приобрести здравые понятия и верные суждения о народном духе и что неблагоприятно полагаться на отзывы других, большею частью ложные или предвзятые. Впоследствии он никогда не упускал случая, доставлявшего ему возможность побывать в том или другом княжестве. Такая возможность, как мы увидим далее, представлялась ему довольно часто.

Возвратившись в Лу, Конфуций опять принялся за свои ученые занятия, посвятив себя всецело мудрости и истине. Некоторые из близких ему людей старались отклонить его от этого намерения и уговаривали поступить на службу.

– Решение мое неизменно, – отвечал им Конфуций, – мое назначение и долг – служить и быть полезным всем людям без исключения. Все люди – одна семья, и мое призвание быть ее наставником!

И действительно, с этого времени дом его обратился в настоящую академию. Но в скором времени Конфуций опять покинул Лу и отправился в княжество Тси, куда пригласил его владетель этой области, желавший воспользоваться советами и опытом славного философа.

Конфуций отправился в Тси, сопровождаемый своими учениками и многими почитателями, пожелавшими всюду следовать за ним.

Конфуций не отговаривал последних, зная, что слабые и бесхарактерные из них сами отстанут.

Во время пути ехавшие услышали раздавшиеся в стороне от дороги стоны. Приблизившись, они увидали пытавшегося повеситься человека и тотчас же освободили несчастного от петли, причем Конфуций, сошедши с колесницы, спросил несчастного о причине, побудившей его прибегнуть к самоубийству.

Спасенный отвечал, что причиной была его печально сложившаяся жизнь. Что он с детства стремился сделаться мудрым и изучил все, что было ему доступно, и, пристрастившись

к путешествиям, покинул родину, чтобы бродить из княжества в княжество. Спустя несколько лет он вернулся домой и женился, вскоре после этого умерли его отец и мать, для которых он не успел ничего сделать, и это было первой причиной его печали. Вторая причина его печали заключалась в том, что, возвратившись из путешествия, он считал себя способным руководить другими и, ввиду этого, как только миновал срок траура, предложил свои услуги князю Тси, но князь, занятый более развлечениями, чем делами правления, не хотел его слушать. Друзья также отнеслись к нему гордо, индифферентно или же прямо с презрением, что составило третью причину его печали, и, наконец, четвертая причина заключалась в том, что его покинул единственный сын.

– Итак, – заключил свою исповедь самоубийца, – я хотел быть мудрым, а не сумел исполнить самых обыкновенных гражданских обязанностей – не был ни добрым сыном, ни достойным гражданином, ни хорошим отцом семейства, и поэтому-то я и решился на самоубийство.

Выслушав слова самоубийцы, Конфуций сказал:

– Как бы ни были велики ваши ошибки, они ничтожны в сравнении с малодушием. Всякая ошибка – дело поправимое, но самоубийство – преступление непоправимое. Вы заблудились с первых же ваших шагов по житейскому пути и пошли ложным путем, думая идти к мудрости. Вы должны были начать с того, чтобы сделаться человеком прежде, чем мудрецом; последнее возможно только при точном исполнении человеческих обязанностей, налагаемых на нас самой природой. Первой же вашей обязанностью было любить родителей и угождать им, но вы ее не исполнили, и эта небрежность была причиною всех ваших несчастий. Не думайте, однако, что для вас все безвозвратно погибло, приободритесь и не падайте духом; верьте одной великой истине, неопровержимость которой подтверждается опытом всех веков. Вот эта истина, постарайтесь навсегда запечатлеть ее в вашей памяти: покуда человек жив, он не должен ни в чем отчаиваться. От величайшего горя он может перейти к величайшей радости, от ужаснейшего бедствия к полнейшему блаженству. Мужайтесь, идите к себе домой и примитесь за труды с тою же охотою, как бы сегодня вы снова начали жить, узнав настоящую цену жизни. Вы еще можете сделаться мудрым!

Затем Конфуций, обратясь к сопровождавшим его, сказал:

– То, что вы слышали, может послужить для вас хорошим уроком!.. Пусть каждый хорошенько поразмыслит над этим.

Сказав это, он сел на колесницу и не успел отъехать

полуверсты, как несколько учеников подошли к нему и просили у него позволения вернуться домой – служить своим родителям и заботиться о них.

Принцип, изложенный Конфуцием в его беседе с самоубийцей, есть основное правило философии Конфуция. На этом принципе зиждется вся общественная, политическая и семейная жизнь Китая – с идеей сыновней почтительности тесно связано учение о почтении к старшим, на чем и основан весь строй общественной жизни китайцев.

Молодой князь Тси принял мудреца с большим почетом, но этим и ограничился. Ни советов, ни наставлений князь, весь отдавшийся забавам и разного рода удовольствиям, у него не спрашивал. Конфуций прожил при дворе Тси целый год, но его пребывание не принесло княжеству никакой пользы.

Князь осыпал мудреца ласками из тщеславия, желая, чтобы народ говорил о нем, что он умеет чествовать и награждать великих людей. Он предложил Конфуцию в обладание город. Конфуций отказался, сказав, что ничем не заслужил подобного дара.

Число учеников и слушателей Конфуция возросло до такой степени, что князь отдал ему для его собраний один из своих дворцов.

Князь часто приглашал к себе на дружеские беседы Конфуция. Во время одной из подобных бесед философ имел случай показать необыкновенную прозорливость своего ума и высказать свой взгляд на правителей и правление. Летописи передают этот случай так: однажды, дружно беседуя с философом, князь получил известие из княжества Чжеу, что молния сожгла в императорском дворце один из храмов, посвященных памяти предков.

– Храм Ли-ванга, по всей вероятности! – заметил Конфуций.

– Почему вы так думаете? – спросил князь. Философ отвечал:

– Покуда властители земли живы, худо понимаемое уважение или раболепный страх замыкают уста окружающим их, но небо нелицеприятно – оно, рано или поздно, ниспосылает знамения своего гнева на нарушителей его законов. Ли-ванг был злой государь. Он отменил многие мудрые постановления Вен-ванга; он первый осмелился носить желтые, богато украшенные одежды, строить пышные дворцы, щеголять лошадьми и колесницами – словом, он первый из царей ввел при дворе ту безумную роскошь, которая заставила бы краснеть государей древности. Гнев небесный, уничтожив храм, посвященный памяти Ли-ванга, возвещает людям, что они воздавали почести недостойному, и вместе с тем предостерегает князей, чтобы они не подражали Ли-

вангу!

Князь, узнав через нарочно посланного, что молния действительно сожгла храм Ли-ванга, сказал, после долгого размышления, окружающим:

– Порадуйтесь со мною. В Конфуции я приобрел неоцененное сокровище. Он – величайший муж во всей империи... Это – мудрец, достигший вершины премудрости... Это воистину святой человек. Он видит происходящее далеко так же ясно, как и происходящее у него перед глазами!

Вскоре после этой беседы Конфуцию представился удобный случай посетить княжество Чжеу. На родине мудреца, в княжестве Лу, умер один из первых княжеских сановников, при жизни много слышавший о Конфуции и уважавший его за его мудрость. На смертном одре он завещал своим сыновьям сделаться учениками Конфуция. После смерти отца и траура сыновья вельможи прибыли к Конфуцию и сделались его учениками. Благодаря знатному роду и влиянию новых учеников, положение Конфуция сильно изменилось.

Новые его ученики, узнав о желании учителя посетить столицу империи, чтобы на месте ознакомиться с принятыми там церемониями, поспешили помочь ему в этом желании. В это время императорский двор находился в городе Лу. Новые ученики сообщили князю Лу о желании Конфуция посетить двор императора. Князь обещал оказать философу всевозможное содействие и для удобства прислать ему собственную колесницу, пару лошадей и одного из офицеров своей свиты.

Так как главной целью Конфуция было ознакомление с церемониями и постановлениями династии Чжеу, то он по прибытии в Чжеу посещал главным образом различные места, где мог достигнуть своей цели. По прибытии в Лу он встретил Чан-хунга, музыканта-философа. Чан-хунг с радостью приветствовал Конфуция и предложил ему поселиться у него в доме. Он же представил Конфуция первому министру при дворе Чжеу. Министр, ласково приняв философа, стал расспрашивать его о его учении. Философ ответил:

– Мое учение есть то самое, которому должен следовать каждый человек, – это учение Яо и Шуна. Что же касается до моего способа преподавания этого учения, то он очень прост: я указываю на поведение древних, как на образец, советую читать священные книги (кинг) и требую, чтобы размышляли над прочитанным.

– Но как приобрести мудрость? Научите меня чему-нибудь.

– Вы требуете от меня слишком многого. Постарайтесь запомнить четыре следующих предложения, которые могут вам

пригодиться: сталь ломается, как бы ни была она крепка; нередко кажется несокрушимым то, что, в сущности, легко уничтожить; гордый, ставя себя выше других, воображает, что все ему поклоняются; другие же, считая его ниже себя, не обращают на него никакого внимания; излишне снисходительный, со всеми соглашаясь, чтобы всего достигнуть, делается всегда игрой собственноручного легковесия. Эти правила, как ни кажутся они просты, могут довести до высочайшей степени мудрости того, кто, проникнув в их смысл, согласно им будет вести себя.

Услышав о прибытии Конфуция в столицу, один из первых вельмож, по имени Лиу-вен-кунг, стал расспрашивать о нем Чан-хунга.

Чан-хунг, с восторгом отзываясь о госте, сказал, что это человек, которому нет в свете подобного, что он настолько скромный, что не стыдится учиться у людей менее мудрых и менее просвещенных, что он будет служить удивлением всего мира и всех веков, что он – совершеннейший образец человека, какой только можно представить себе, и затем прибавил, что память о нем исчезнет только тогда, когда исчезнет учение Яо и Шуна и забудутся наставления мудрых основателей империи.

Конфуцию был передан этот восторженный отзыв. Выслушав его, он сказал:

– Все это незаслуженно и преувеличено. Достаточно было бы сказать, что я кое-что смыслю в музыке и стараюсь соблюдать все обряды.

Во время одной из своих прогулок по столице, когда он осматривал столичные храмы и дворцы, Конфуций зашел, между прочим, в храм Света (Мин-танг). Здесь он обратил особенное внимание на живописные изображения древних правителей. Рассматривая их, он увидел, что эти изображения размещены без всякого порядка, не сообразуясь с деяниями этих правителей. Глубоко вздохнув, он сказал:

– Портреты Яо и Шуна помещены рядом с изображениями Кие и Шеу. Между тем их единственное сходство только в том, что как те, так и другие были императорами. Первые считались любимцами неба и народа, вторые, напротив, были ненавистны небу и внушали страх людям. А почему? Потому что первые почитали небо и умели сделать людей счастливыми, вторые же презирали небо и причиняли людям зло, какое только были в состоянии.

В храме предка царской династии Чжеу он заметил золотую статую на пьедестале, изображавшую человека, губы которого были заколоты тремя иглами. На спине статуи находились следующие надписи:

“В древности люди были осмотрительны в своих речах: им следует подражать... Не говорите много, потому что при многословии всегда скажется что-нибудь, чего говорить не следовало... Не беритесь разом за много дел – множество дел ведет за собою и множество скорбей или, по крайней мере, забот... Трудитесь и работайте, насколько требует этого ваш долг... Не ищите ни великих радостей, ни излишнего спокойствия: поиски за теми и другими сами по себе – труд и помеха спокойствию... Никогда не делайте того, что рано или поздно может повлечь за собою раскаяние... Не пренебрегайте поправкой зла, как бы ничтожно оно ни было, – запущенное малое зло разрастется и сделается большим... Если не будете избегать малой несправедливости к себе со стороны других людей, вскоре придется употреблять все усилия к отражению жесточайших нападков... Говоря или действуя наедине, не воображайте, что вас никто не видит и не слышит: духи – свидетели всех ваших деяний... Долго скрытый огонь разгорается в непреодолимый пожар; огонь обнаружившийся легче тушится... Многие ручьи дают реку; многие нитки, свитые вместе, образуют канат, который трудно порвать... Легко вырвать из земли молодое неукоренившееся дерево; дайте ему вырасти – понадобится топор... Из уст наших могут исторгаться и стрелы язвящие, и пламя пожирающее; осторожность предохраняет и от стрел и от огня... Не думайте, чтобы человек, одаренный силой, мог безопасно подвергать себя всяким опасностям – сильный всегда может встретить сильнейшего, который его одолеет... Ненавидеть законных властителей – значит уподобляться разбойникам; роптать на справедливое правительство – значит становиться в уровень с низкой чернью... Противиться государю можно только при чрезмерных требованиях; довольствующемуся малым легко и повиноваться. – Простые люди и простейшие из людей никогда не начинают и не предпринимают ничего нового: они только подражают и следуют тому, что делают другие; им необходимы примеры и образцы. Видя людей осторожных, почтительных, добродетельных, образованных, и они сделаются такими же, и сами, в свою очередь, будут образцами для последующих поколений. – Уста мои замкнуты, говорить не могу; на вопросы и возражения не отвечу. В свою очередь, и мне не о чем спрашивать. – Знание скрыто, но тем не менее действительно. Хотя положение мое и высоко, но вредить мне никто не может. Из вас скажет ли кто это самое? у неба нет родства, и оно одинаково ко всем людям. Прочитанное вами здесь заслуживает глубокого размышления!..”

Вся эта надпись состояла из изречений древнейших

китайских мудрецов и заключала в себе главнейшие правила господствовавшей в народе морали тех времен.

Прочтя громко эти правила, Конфуций сказал окружающим его:

– Я смотрю на эти правила, как на перечень всего, что только можно сказать полезного... Я убежден, что, умея применить эти правила к делу, можно быть близким к совершенству. Постараюсь воспользоваться ими и вам всем то же советую!

Из храма Света Конфуций направился в другие храмы, где богдыханы воздавали почести своим предкам. Мандарины, на обязанности которых лежали присмотр и забота об этих покаях, приняли его с величайшим почетом и усадили на возвышенное место. Во время беседы Конфуций поражал их своими знаниями. Тем не менее, он и здесь не упустил случая ближе ознакомиться с обычаями и церемониями, принятыми в Чжеу, чтобы узнать, насколько они расходились с древними постановлениями. Он расспрашивал так подробно и входил в такие мелочи, что один из присутствующих заметил:

– Как же это? О нем говорили, что он все знает, а он, между тем, обо всем расспрашивает... Услышав эти слова, Конфуций сказал:

– Вот в этом-то и заключаются церемонии.

Как мы увидим далее, Конфуций придавал, и не без основания, большое значение церемониям. Знакомясь и внимательно изучая обычаи и церемонии Чжеу, Конфуций, кроме того, занимался изучением музыки под руководством своего хозяина.

Так прожил он в Чжеу два года. В это время он виделся с Лао-цзы, жившим в уединенной пещере в окрестностях города. Беседуя с Конфуцием, Лао, верный своему учению, упрекал Конфуция за славу, которая ходит о нем в народе, за многочисленных учеников, за его честолюбие и в заключение высказал свое мнение о том, каков должен быть истинный мудрец.

– Мудрец, – сказал Лао, – чуждается света; он не только не домогается, но избегает почестей. Вполне уверенный, что после своей смерти он оставит добрые правила тем, которые способны запомнить и усвоить их, истинный мудрец не доверяется всякому встречному, а соображается со временем и обстоятельствами. В добрые времена он говорит, в тяжелые – безмолвствует. Обладатель сокровища скрывает его ото всех, чтобы сокровища не похитили, и никому не разглашает, что у него есть сокровище. Истинно добродетельный своей добродетели напоказ не выставляет и не трубит в уши всем и каждому, что он мудр и

добродетелен... Вот все, что я хотел сказать вам! Воспользуйтесь тем, что от меня слышали...

Возвратясь обратно, Конфуций долгое время хранил молчание и затем, обратись к ученикам, сказал:

– Вообразите себе дракона, кольцами неизмеримого туловища объемлющего всю вселенную... Таков разум Лао-цзы...

Глава IV

Возвращение в Тси и затем в Лу. – Беседы с учениками. – Исправление священных книг. – Исторический труд Конфуция “Чунь-цю” и другие

После двухгодичного пребывания в Чжеу, Конфуций, увидев и изучив все, что ему хотелось, решил возвратиться в княжество Тси. Рассказывают, что, когда он, спустя несколько времени после возвращения, явился во дворец к князю, у последнего был концерт, во время которого исполнялось музыкальное произведение, созданное богдыханом Шуном за 1730 лет до Рождества Христова. Это произведение называлось “Шао-ио, или Музыка, рассеивающая мрачные мысли и укрепляющая сердца в любви к долгу”. Эта музыка произвела такое сильное впечатление на философа, что он в продолжение трех месяцев не мог думать ни о чем другом, и самые изысканные блюда потеряли для него всю привлекательность. В княжестве Тси Конфуций на этот раз пробыл недолго. Видя, что юный князь, по ветренности и легкомыслию, не в состоянии понять и усвоить его учение, философ вернулся на родину в княжество Лу, оставив в Тси для распространения своего учения нескольких учеников. В Лу в это время господствовали смуты, князь Лу был изгнан, и управлением овладели, образовав олигархию, несколько знатных фамилий. В Лу Конфуций прожил 15 лет безо всякой должности, как говорит Legge. У Потье, напротив, говорится, что Конфуцию была дана второстепенная ничтожная должность, от которой ученики советовали ему отказаться.

– Ни за что, – отвечал им Конфуций, – отказ мой приняли бы за гордость, указывая другим на путь добродетели, мы первые должны идти по нему, только тогда у нас могут быть последователи!

Все время жизни в Лу Конфуций посвятил распространению своего учения. Способ его преподавания был перипатический – он поучал и словом, и делом, пользуясь каждым случаем. Мы приведем из этих бесед наиболее интересные.

Еще будучи в Чжеу, однажды ученики застали его внимательно смотрящим на течение реки.

– Учитель, – сказал один из них по имени Тси-кунг, – полезно ли созерцание текущей реки?.. Вещь, кажется, самая обыкновенная.

– Вы верно говорите, – отвечал Конфуций, – течение реки по ее естественному или руками вырытому руслу вещь самая обыкновенная, известная всем и каждому... Но вот чего никто не

знает и это не совсем обыкновенно: соотношение и сравнение реки с учением. Это самое сравнение и занимает меня... Воды, думал я, текут безостановочно, днем и ночью, текут до самого устья реки и там впадают в море. Учение Яо и Шуна текло таким же образом до нашего времени; мы, в свою очередь, как живые волны, понесем его вдаль, передадим последующим поколениям и так до скончания веков. Не будем же подражать тем одиночным мудрецам, которые мудры сами для себя, не делясь своею мудростью с другими...

В поучении Конфуций высказал свой взгляд на свое учение и вместе с тем дал несколько запоздалый ответ на слова Лао-цзы относительно того, каков должен быть мудрец.

Другой случай, где Конфуций имел случай высказать свой взгляд на правление и на один из его главных моральных принципов – умеренность – умение придерживаться во всем середины и избегать крайностей, представился ему в тронной зале дворца богдыхана. В зале подле трона стояло ведро, сплетенное из камыша и хорошо осмоленное, для подъема воды из колодца. Философ спросил одного из присутствовавших мандаринов:

– Зачем поставлено здесь это ведро?

Мандарин не знал, что ответить, и пробормотал какой-то вздор. Тогда Конфуций попросил другого зачерпнуть воды из колодца. Тот осторожно и тихо опустил его в колодец, но легкое ведро плавало на поверхности воды, и мандарин не мог зачерпнуть в него ни капли. Конфуций все-таки просил зачерпнуть воды.

– Если не удалось достать воды таким образом, – сказал он, – надобно черпать иначе как-нибудь!

Другой мандарин взял ведро и бросил его в колодец со всего размаху; ведро, переполнившись водой, погрузилось на дно.

– И это не хорошо! – сказал Конфуций, – придется зачерпнуть воды самому...

Взяв ведро, он опустил его, осторожно покачивая, ни быстро, ни тихо в колодец, и ведро наполнилось настолько, что его без труда можно было вытянуть из глубины. Тогда, обращаясь ко всем окружающим, Конфуций сказал:

– Вот вам верное изображение хорошего правления и искусства уметь держаться разумной середины. Излишняя слабость или излишняя суровость вредны – надобно уметь соединять силу с умеренностью. В древние времена этот опыт применялся при восшествии на престол нового правителя. И древние законодатели предписали постоянно держать пустое ведро возле трона для того, чтобы правители всегда помнили

моральный вывод из этого простого физического явления!..

Будучи уже на родине, Конфуций, раз гуляя со своими учениками в окрестностях города, увидел птицелова, прилежно занятого своим делом. Подойдя к нему и заглянув в клетки, Конфуций заметил, что в них находятся только молодые птицы.

– Где же старые? – спросил он у птицелова.

– Старые хитры и недоверчивы, – отвечал птицелов. – Прежде чем приблизиться к приманке, они сначала все исследуют и, если откроют что-либо опасное, то не только не идут сами на приманку, но даже уводят с собой молодых. В сети большею частью попадают молодые птицы, отделившиеся от старых, и только случайно старые, последовавшие примеру молодых.

– Слышали? – сказал философ, обратясь к ученикам. – Слова птицелова нам нравоучение. Я ограничусь немногими пояснениями: молодые птички увертываются от силков, когда они летают вместе со старыми, но старые попадают, когда летают за молодыми. Не то же ли бывает и с людьми?! Высокомерие, задорность, неопытность, неосмотрительность – вот главные источники ошибок молодости. Надутые своими ничтожными достоинствами, нахватавшись верхушек знания, молодые люди считают себя всезнающими; они считают себя героями мудрости и добродетели, лишь только им удастся совершить самое обыкновенное дело. Им неведомы ни сомнение, ни нерешительность, ими руководит не совет опытных и мудрых людей, а слепое и безумное увлечение; они идут ложным путем, заблуждаются и попадают в первую расставленную ловушку!.. Но разве между людьми старыми или зрелыми не встречаются лица, увлекающиеся малейшим проблеском дарования в молодых людях и вполне веряющиеся им, думающие и говорящие, как они, и вместе с ними заблуждающиеся? Не забывайте же никогда, что вы слышали!

Ограничимся этими примерами метода, применявшегося Конфуцием в его преподавании, и перейдем к дальнейшему повествованию о его жизни.

Все время своей жизни в Лу Конфуций не прекращал ученых занятий. Вставая рано и ложась очень поздно, он посвящал в продолжение дня на отдых всего два часа.

В это время Конфуций приступил к пересмотру древних священных книг и новой их редакции, исправляя, поясняя, а также сокращая многое из них, что было уже несогласно с духом времени или с господствовавшими тогда понятиями. Особенное внимание Конфуций обратил на книгу превращений (*И-кин*) великого Фу-си-шы. Вместе с *И-кин* он занимался обработкой другого древнего сочинения китайцев *Шу-цзинь*, древней истории

Китай, содержащей в себе события с 2365 года до Рождества Христова. Это сочинение было составлено из дворцовых записок, писанных в свое время придворными историографами, под непосредственным наблюдением института *Судей истории*, установленного богдыханом Хоанг-ти. Конфуций, желая сделать это сочинение основанием законодательства, исключил из него все несообразное со здравым смыслом и, сократив его до 50 глав, начал летоисчисление в истории с государя Яо. Тогда же он стал писать свое историческое сочинение, известное под названием “Весна и Осень” (*Чунь-цю*), исторические записки княжества Лу, содержащие историю династии Чжеу, смут и междоусобиц, потрясавших это княжество при династии Чжеу. Не оставил Конфуций без внимания и книгу стихов “Ши-цзин”. Эти стихи были писаны частью при династии Шань за 1700 лет до Рождества Христова, большая же часть при династии Чжеу, когда Китай разделился на множество удельных княжеств. Удельные князья обязаны были собирать народные песни и представлять их главе государства, который судил по ним о нравах и правлении в уделах. Другие стихотворения слагались для пения в торжественных случаях при дворах богдыхана и удельных князей, при жертвоприношениях и т.д. Всех стихов было до трех тысяч. Конфуций сократил их до 311 и также вложил их в основу своего учения. Конфуцию приписывается также составление гадательной книги *И-цзин*, прабабушки нашего Мартына Задеки, – книги, написанной очень темным и невозможным языком, а также, как мы уже говорили, книги о музыке.

Глава V

Новые путешествия в княжества Чжун и Тси. – Взгляд Конфуция на охоту. – Прозорливость Конфуция и его великодушие. – Беседа с учениками о средствах избавления родины от бедствий

Между тем смуты в княжестве Лу все еще продолжались. Печальное зрелище этих неурядиц сильно наскучило Конфуцию, – он решил несколько освежиться от них и предпринял целый ряд путешествий, желая видеть, где сохранилось еще древнее учение, а также зачатки его учения, данные им в предшествовавшие путешествия. Прежде всего, он направился в княжество Чжунь, лежавшее на границах нынешнего Хо-нана. То, что он увидел здесь, было очень неутешительно. Повсюду царствовало всеобщее недовольство – простой народ погибал от нищеты и бедности, а знатные утопали в излишестве и роскоши. Древнего благочестия не было и следа. Отсюда он отправился в княжество Тси, но и здесь положение вещей было не лучше. Из Тси философ отправился дальше, и только в небольшом горном округе Тай-шан измученному повсеместными бедствиями и неурядицами взору Конфуция открылась картина первобытной чистоты нравов; эта патриархальная картина и неиспорченные понятия горцев об истине несказанно обрадовали философа. Узнав, что князь Тси, бывший в отсутствии при первом посещении Конфуцием княжества Тси, вернулся в свои владения, Конфуций опять направился в Тси, правитель которого в это время из легкомысленного молодого человека сделался зрелым мужем, способным оценить достоинства Конфуция и воспользоваться его советами. Действительно, когда Конфуций после двухдневного отдыха испросил себе аудиенцию у князя, как этого требовал придворный этикет, князь принял его очень радушно. Окруженный блестящей свитой, он встретил его в дверях и сказал:

– Я узнал, что вы прибыли из своего славного отечества с целью видеть меня и быть полезным мне и моему народу! Выражаю вам мою искреннюю благодарность за это намерение – я рад вас видеть у себя! Войдите же, уважаемый учитель, и позвольте мне услышать от вас несколько уроков мудрости!..

И, уступив дорогу, князь просил Конфуция войти во дворец. Когда же Конфуций отказался идти впереди князя, последний заметил, что этим он несколько не унижает своего княжеского достоинства и что, по его мнению, мудрец выше князя. Конфуций ответил ему на это:

– Государь, правила приличия существуют для всех людей, как для царей, так и для простых смертных. Если вы будете относиться с пренебрежением к вашей обязанности, а я к своей, мы оба нарушим установленный порядок. Почтение должно быть оказываемо вам повсюду, где бы вы ни были, – это одно из преимуществ вашего сана!.. Князь должен быть князем, министр – министром и отец – отцом!..

Князь более не настаивал. Вообще, прием, сделанный князем Конфуцию, и знаки глубочайшего уважения, которыми он окружал мудреца, подавали надежду, что, наконец, в княжестве Тси откроется обширное поле действия для деятельности Конфуция. И действительно, князь обещал Конфуцию назначить его министром. Но Конфуций скоро узнал, как мало можно было полагаться на эти обещания. Министры, боясь влияния Конфуция на князя, сумели отговорить последнего от его намерения, указывая главным образом на то, что хотя Конфуций может быть и очень мудрым в теории, но очень легко может оказаться плохим исполнителем своих теоретических предначертаний на практике. Запуганный этими оговорами, малодушный князь передумал приблизить к себе Конфуция и, сказав: “Я слишком стар для того, чтобы воспользоваться его наставлениями”, взял назад обещание сделать Конфуция своим соправителем. Конфуций нисколько не жаловался на изменчивость князя, а только пожалел его как доброго и благонамеренного правителя, но не умеющего делать добро из-за своей зависимости от вельмож. Из Тси он опять отправился на родину. Во время пути он почти всюду получал изъявления глубочайшего почтения к его мудрости и учению со стороны отдельных лиц и глубокое равнодушие, а иногда даже презрение со стороны массы народа, всецело поглощенного своими насущными потребностями. На пути все свидетельствовало о неурядицах, господствовавших тогда в отчизне Конфуция, о тех беспрестанных междоусобных войнах, которые раздирали государство. Между прочим, одна встреча во время дороги дала Конфуцию случай сказать его мнение о войне. На пути они увидели несколько землепашцев, занимавшихся стрельбой из лука и другими военными упражнениями. Посмотрев на них, Конфуций сказал:

– Подобными делами во времена древних мудрых царей занимались только воины, а не землепашцы. Теперь же все люди, кажется, хотят быть солдатами – война, конечно, от этого не сделается лучше, но зато обработка полей будет хуже. Однако, – прибавил он, – солдаты нужны – это зло, с каждым днем делающееся более и более необходимым.

Далее на пути они встретили группу охотников,

отправлявшихся на охоту. В древние времена Китай изобилует всякого рода дичью и хищными зверями. Последние были настолько многочисленны и опасны, что первыми государями Китая были установлены обязательные общественные охоты, совершавшиеся раз или два в год. С этими охотами были связаны даже некоторые религиозные обряды. В остальное же время жители занимались охотой или как промыслом, или как удовольствием.

Увидав охотников, один из учеников Конфуция спросил:

– Достоин ли внимания мудреца такое занятие, как охота?

– Все достойно внимания мудреца, и нет ничего, чем бы мудрый не мог или не должен заниматься! Охота есть одно из первых занятий человека: благодаря охоте человеку удалось завладеть той почвой, которую он теперь обрабатывает и которая была заселена всякого рода зверями. Охотой развлекались знаменитые государи древности от тяжких трудов правления. Благодаря охоте, мудрец может дать некоторый отдых утомленному глубокими размышлениями уму и собрать новые силы для продолжения своих занятий. Наконец, благодаря охоте люди могут пользоваться драгоценным преимуществом приносить в жертвы животных, убитых собственными руками, как это предписано в церемониях!

Пока Конфуций говорил, охотники подошли к ним. Конфуций попросил позволения присоединиться к ним и, получив согласие, отправился вместе с ними на охоту, на которой и пробыл около двух недель. После охоты он возвратился в княжество Лу, где его ожидали с большим нетерпением. К общим смутам присоединилось новое бедствие – год был неурожайный, цены на жизненные припасы сильно возвысились, народ был не в состоянии вносить исправно в казну подати и налоги. При этих-то несчастных обстоятельствах опять вспомнили о Конфуции, о его успешном заведовании пахотными землями, когда земледельцы собирали обильные жатвы с самых тощих пашен, и первый министр, вскоре после прибытия Конфуция в Лу, пригласил его во дворец на совещание. На вопросы и просьбы министра помочь им советами, как поступить при настоящих обстоятельствах, Конфуций отвечал уклончиво и неясно. Ученики были крайне поражены поведением их учителя.

– Почему вы, – спросили они его, – всегда столь великодушный и доброжелательный, не пожелали поделиться с министром вашими сведениями и вашей опытностью? Разве вы охладели к добру, или, быть может, людская неблагодарность ожесточила ваше сердце? Мы не в состоянии понять, что с вами?

– Благодарю вас за вашу искренность, – отвечал Конфуций, –

и отплачу вам тем же. Я поступил так потому, что министр – человек жадный, богатый землевладелец. Он думает только об умножении доходов со своих имений, а не об общем благе. Он собирает налоги с жизненных припасов, и его главнейшая забота – увеличение налогов!.. Не думайте, что он, тронутый народными бедствиями, старается облегчить их; напротив, он заботится только о том, чтобы отобрать у народа и последние крохи. Проникнув в его тайный умысел, я отвечал уклончиво и небрежно. Не для народной, а для собственной пользы старался он выведать от меня тайны умножения доходов с полевых угодий... Людей я люблю не менее прежнего и потому не мог допустить, чтобы по моим указаниям низкий корыстолюбец выжимал из народа все его соки!

Ученики были пристыжены этими доводами и глубоко раскаивались в своих недавних опрометчивых суждениях, но вскоре опять впали в ту же погрешность.

Один из родственников министра, желая снискать расположение Конфуция, подарил ему, как бы знак уважения, одну тысячу мер рису. Этот подарок при всеобщей дороговизне и недостатке хлеба был поистине царским подарком. Конфуций принял подарок, показав вид, что получает должное, и ни единым словом не выразил своей благодарности. Ученики опять смутились, но смущение их сменилось восторгом, когда Конфуций раздал подаренный ему рис бедным, терпевшим лишения от неурожая людям.

– Знайте, – сказал он ученикам, – что и здесь я был верен своим принципам и убеждениям. Я в точности оправдал ожидания моего лиходателя. Он ожидал моей благодарности, теперь же благодарных сотни; он думал угодить только мне, а угодил, хотя и против воли, всему народу. Быть может, видя подобные действия, он поймет, что значит быть истинным благотворителем и на что следует употреблять данные небом богатства!.. Отвергнув подарок вельможи, я бы выказал презрение и гордость; приняв же его, но не взяв себе из него ни одного зерна, а раздав все неимущим, я поступил, как следовало.

У китайских историков встречается множество подобных черт, свидетельствующих о величии души и благородстве характера великого философа. В них Конфуций является постоянно человеком, применяющим на деле все высказываемые и проповедуемые им правила нравственности.

Во Введении мы указали, что бедственное положение Китая вызывало в современниках страстное желание изменить это положение. Лучшие умы изыскивали всевозможные меры для улучшения и поднятия нравственного и материального быта в

государстве. Как мы говорили, они сильно расходились в средствах достижения намеченной цели.

Характерной иллюстрацией этого положения вещей является следующая беседа Конфуция с его учениками.

Однажды Конфуций, подававший всегда и во всем пример своим согражданам, как следует повиноваться древним религиозным постановлениям, отправился с тремя учениками на гору Нунг для принесения жертвы небу. На вершине горы он остановился и стал смотреть на окрестности, причем лицо его сделалось грустным. На вопрос учеников, что с ним и какова причина его грусти, он отвечал:

– Мне сделалось грустно при мысли о бедственном положении отечества, когда я вспомнил, глядя на эти нивы, о раздирающих нашу родину распрях и усобицах. Всего же более печалит меня трудность помочь бедствиям настоящим и отвратить грядущие. Не придумаем ли мы чего-нибудь сообща?! – прибавил он немного спустя. – Тси! скажите вы первый ваше мнение! – обратился он к одному из сопровождавших его учеников.

– Я бы собрал огромные полчища и силою оружия смирил мятежников! – отвечал Тси. – В пример другим, пленных я предал бы казни и по водворении порядка водворил бы древнее благочестие.

– Вы храбры, – сказал Конфуций. – Что сделали бы вы? – обратился он с вопросом к другому ученику.

– Я поступил бы иначе, – отвечал тот. – В настоящее время княжества Тси и Тсу в явной вражде и готовятся к войне, то же замечается и в других княжествах. Как только войска выступили бы в поле, я вышел бы к ним в парадной одежде и попросил бы их внимательно выслушать меня. Тогда я постарался бы изобразить всеми силами моего красноречия все бедствия войны и все блага мира, я изобразил бы мрачными красками все последствия войны и плачевную участь, готовящуюся женам и детям той и другой стороны. Может быть, мои слова подействовали бы на враждующие стороны, они заключили бы мир, и в стране водворилось бы спокойствие.

– Вы красноречивы, – отвечал Конфуций. Затем он обратился к третьему ученику. Тот отвечал:

– Если бы я желал чего для блага людей, то, конечно, не царской власти. Я желал бы жить при добродетельном и мудром государе, который приблизил бы меня к себе и которому я мог бы быть полезен моими слабыми способностями. Призванный к царю, я бы сказал ему: растения хеун и йеу (самое душистое и самое смрадное) на одном поле не уживаются; великий Яо и

низкий Кие не могли бы править одновременно царством, и я просил бы государя прежде всего удалить от себя льстецов и заменить их людьми прямодушными и добродетельными и поручить им обучать народ пяти верховным обязанностям – человеколюбию, правосудию, любви к истине, верности и честности. Я сказал бы царю, что тогда ему не придется опасаться врагов, не надо будет содержать многочисленные войска и укреплять города – валы будут срыты, рвы засыпаны и превращены в плодоносные нивы, камни крепостных стен будут употреблены на постройку общепольных зданий, а смертоносные пушки перекуются на земледельческие орудия. Воины обратятся в мирных граждан, искусные ораторы будут подавать благие примеры согражданам не словом, но делом... Тогда люди, мне кажется, могли бы быть счастливы! Если я заблуждаюсь, прошу учителя наставить меня на путь истинный!

– Вы истинно мудры, – отвечал глубоко тронутый Конфуций. В словах ученика Конфуций увидел высказанным то, к чему он сам стремился в продолжение стольких уже лет, но безуспешно.

Глава VI

Конфуций – государственный деятель. – Меры, принятые им для увеличения благосостояния граждан. – Назначение его верховным судьей. – Козни врагов и отставка Конфуция. – Пребывание Конфуция в княжествах Вей и Сунг. – Скорбь его о постигших его неудачах. – Учение Конфуция о браке, семье и т.д. – Число учеников достигает трех тысяч человек. – Преследования. – Пребывание в княжествах Тсаи и Чжен. – Конфуций в тюрьме. – Сомнение Конфуция в успехе его учения

Наконец на 44-м году его жизни Конфуцию судьба улыбнулась. Смуты в княжестве Лу стихли, и князь назначил Конфуция правителем резиденции и ее окрестностей. Здесь открылась обширная арена для деятельности философа. Конфуций был неутомим, и его мудрые и благодетельные распоряжения касались самых разнообразных сторон быта подведомственных ему граждан. Прежде всего он занялся улучшением сельскохозяйственного быта народа. Для лучшего выполнения этой задачи он старался сблизиться с простым народом, часто вступал в беседы с ним и совещался, принимая во внимание все справедливые замечания. Он ввел и улучшил после тщательного изучения существовавшую уже при древних правителях систему подразделений почвы по ее качествам и положению. Почвы он разделил на пять разрядов: 1) нагорные земли и земли тощие, 2) низменные и болотистые, 3) песчаные, 4) жирные, суглинистые, 5) при уходе и удобрении дающие хорошие жатвы. Сообразно с качествами почв, он указал, что где лучше сеять, ввел севообороты и плодопеременное хлебопашество и определил с точностью время посевов и жатвы. Одним словом, возобновил и улучшил все постановления, изданные древними богдыханами относительно сельского хозяйства. Кроме того, он, узнав, что многие земли отведены богатыми людьми под кладбища, служившие одновременно и для увеселительных прогулок, решил искоренить этот вредный обычай и возвратить напрасно пропадающие земли земледелию.

– Кладбища, – сказал он при этом, – не должны быть местами для гуляний. Древние называли их местом слез и вздыханий. Пировать и веселиться на них – значит издеваться над мертвыми. Местами погребения должны быть земли совершенно бесплодные, их не следует обсаживать деревьями или обносить стенами. Когда кладбища не будут походить на сады, только тогда их будут посещать ради искреннего уважения к памяти усопших, а не из праздного любопытства или от безделья.

Благодаря этому разумному распоряжению, много плодородных земель стали обрабатываться, а не пропадать даром. И ко всем другим отраслям народного хозяйства Конфуций относился столь же ревностно. Труды Конфуция не были напрасны и в скором времени привели к самым благоприятным результатам.

Под разумным управлением народ постепенно улучшал свой материальный быт, а с возрастанием богатства народа стала улучшаться и его нравственность. В воздаяние заслуг Конфуция князь назначил его верховным судьей всего княжества, с правом преобразования старых положений и введения новых. Это назначение сделало Конфуция вторым лицом в княжестве по значению и власти.

В новой должности он остался верен себе, строго преследовал виновных, какое бы положение они ни занимали, и награждал заслуживающих награды. Расскажем несколько случаев из его судебной деятельности.

Он узнал, что один богатый землевладелец держал на откупе всю мясную торговлю и, приобретая из первых рук задешево гурты скота, продавал его в розницу втридорога. Конфуций, зная, что вся тяжесть этой монополии падает на один только бедный класс народа, решил прервать зло в самом корне и призвал к себе монополиста.

– Я слышал, – сказал он ему, – что вы один из первых богачей в городе. Мне это было бы очень приятно, если бы вы приобрели свои богатства трудом или честным промыслом; но я слышал, что они приобретены совершенно другим путем. За это вы заслуживаете строгого наказания, которое я, однако, сменяю на милость, но с условием: вы должны возратить народу все, что награбили у него. Возвращение это может быть сделано без ущерба для вашей чести. Из всего вашего богатства вы оставьте у себя столько, сколько вам нужно для безбедного существования, остальное же передайте мне. Я сумею распорядиться им как следует. Не оправдывайтесь, не думайте обмануть меня; даю вам несколько дней сроку!..

Откупщик повиновался требованию Конфуция, и его богатство пошло на общественную пользу под названием “добровольного приношения”.

В другой раз к мудрецу пришел отец с жалобой на непокорного сына. Конфуций присудил обоих к тюрьме на три месяца.

По прошествии срока он призвал их обоих и спросил у отца, чем именно провинился его сын. Отец отвечал, что виноват не сын, а он сам, что увлекся досадой на сына. Конфуций похвалил

его за простосердечное сознание и сказал:

– Вперед лучше сами учите сына, а не обращайтесь к судье; вы же, – обратился он к сыну, – помните, что первый ваш долг – повиновение родителям.

Но не всегда Конфуций употреблял кроткие меры: в важных случаях он не останавливался и перед смертной казнью. Например, при вступлении в новую должность, он предал смертной казни одного из первейших сановников княжества, виновного в разного рода злоупотреблениях. Сам он так говорил об обязанностях судьи:

– Судья, предающий наказанию каждого, кто только нарушил закон, подобен полководцу, который предает грабежу завоеванный город, взятый приступом. Преступник-простолудин чаще бывает полувиновен, а нередко и совсем невиновен по той причине, что не знает своих обязанностей. Самого строгого наказания заслуживают преступники высших классов за то, что подают дурной пример народу, и правительственные лица, не внушающие своим подчиненным учить народ.

Снисхождение к таким преступникам есть несправедливость и криводушие. Казните, говорится в древних книгах, наказывайте смертью тех, которые заслуживают того за вину важную и сознательную. Сперва надо учить народ, и тогда уже в случае сознательного неповиновения наказывать его!

Конфуций придерживался строго этих правил в судебной практике. Но не только как мудрый судья, возвысивший в стране уважение к власти и законам, был полезен Конфуций своему государю и родине, он также оказывал большие услуги как проницательный и хорошо знающий людей политик. Не раз он выручал и спасал князя от серьезных опасностей и козней, которые строили его противники. Княжество Лу, благодаря Конфуцию, усилилось. Это усиление могущества князя Лу вызвало опасения и зависть со стороны соседних княжеств.

Они всеми мерами старались подорвать влияние Конфуция на князя и вызвать немилость последнего к философу. Одна из этих мер имела успех. Князю Лу в виде подарка были присланы 120 превосходных лошадей и 13 красивых девушек-танцовщиц и певиц для развлечения и забавы. Князь так увлекся ими, что перестал обращать внимание на Конфуция, а вскоре и совсем разгневался на него благодаря какому-то неловкому замечанию философа. Тогда Конфуций покинул княжество Лу и опять пустился в странствования вместе со своими учениками. По-прежнему он переходил из княжества в княжество и повсюду распространял свое учение. Встречали преобразователя, как и прежде, радушно, с подобающими почестями, но этим дело и

ограничивалось.

Попытка Конфуция склонить правителей посещаемых им княжеств к принятию проповедуемого им учения и введению преобразования повсюду встречала ледяное равнодушие – большинство умов того времени не было еще приготовлено к мирной реформе и более верило в силу оружия.

Побывав в нескольких местах, философ прибыл в княжество Веи. Князь Веи выехал навстречу знаменитому мудрецу, ласково приветствовал его, назначил ему для жилища один из своих дворцов и дал ежегодное содержание в одну тысячу мер рису. Несмотря, однако же, на эти милости и внимание к Конфуцию со стороны князя, философ был не совсем, доволен князем. Последний любил беседовать с ним и слушать его наставления, мудрец прямо попытался склонить князя к принятию его учения, тот отказался наотрез.

Конфуций выразил свою скорбь о постигающих его неудачах в следующей элегии:

“Аромат цветка лан-хоа упоителен; кроме аромата многие полезные свойства заставляют нас высоко ценить его. К сожалению, цветок этот очень нежен; он блекнет от легчайшего дуновения и отрывается от стебля. Что делается тогда с бедным цветком? Игрушка ветров, носится он по пространству земли из стороны в сторону, покуда не найдет уголка, где приютиться. Но и здесь в пустыне истлеет цветок бесплодно и обратится в прах. Мудрость для людей, умеющих ее возделывать, дает прочные, истинные наслаждения; она, по-настоящему, должна бы быть целью всех наших желаний и помыслов... Но бурные страсти враждебны ей, как буря цветку: страсти гонят мудрость – и нет ей приюта. Неужели же, воистину, она не найдет себе пристанища? Дни мои на исходе; скоро окончится мой жизненный путь; пора мне найти пристанище. – Мудрому хорошо везде; вся земля его достояние!”

Но кроме равнодушия философу приходилось выносить явное презрение и даже преследование и насилие.

В княжестве Сунг, куда прибыл Конфуций из Веи, находилась за городом пустынная поляна, на которой росло большое тенистое дерево. На этой поляне любил беседовать Конфуций со своими учениками и другими слушателями, приходившими к нему во множестве. В своих беседах Конфуций касался всех сторон нравственного и религиозного быта. Для более полной обрисовки личности Конфуция и его философии мы приведем еще несколько из его поучений.

Вот как он, например, учил о браке, о семье, о положении в ней женщины и мужчины и т.д.

Древние полагали возраст для брака не старше 30 лет для мужчины и 20 лет для женщины. Настоящая же самая лучшая пора для женитьбы 20 лет для мужчины и 15 лет для женщины. Брак есть первая обязанность человека и его естественное призвание и назначение. Обязанности супругов делятся на общие и частные. Муж – голова; он повелевает, жена повинуется. Он – небо, она – земля.

Основами супружества должны быть взаимные доверие, честность и уважение, власть и руководство со стороны мужа, повиновение и покорность со стороны жены во всех тех случаях, когда муж не нарушает правил справедливости, приличия и чести. В общественной жизни жена всем обязана мужу. Смерть его не делает ее независимой. В девицах она зависела от родителей, а если была сиротою – от братьев или попечителей; замужем она подчиняется мужу; вдовою – зависит от сына. Сын – хранитель вдовой матери от искушений, доброго имени ее от нареканий. Обычай воспрещает женщине вторичное замужество, и вдова обязана посвятить себя уединению. Вне дома у нее не должно быть никаких дел; даже и в домашние дела она должна входить насколько нужно и то, если дети малолетние. При совершеннолетних детях вмешательство вдовы – напрасное их стеснение. Днем она не должна выходить из своей комнаты; ночью же спальня ее должна быть всегда освещена. Так должна вести себя вдова, ежели хочет заслужить уважение детей и сограждан. Период от 15 – 20 лет самый удобный для выхода замуж. Не надо забывать, что от брака зависит вся судьба женщины, а потому выбор мужа требует большой осмотрительности. Девица не должна вступать в брак с членом семьи, замешанной в заговоре против правительства; семьи с расстроеными делами или в которой царствует раздор. Недопустимы в браке непристойное поведение или нарушение супружеской верности, внесение ею в семью мужа вражды или ссор; болезнь жены, внушающая к ней отвращение; болтливость и склонность к мотовству, и если жена обокрадет мужа. Муж не имеет права развестись с женой, хотя она того и заслуживает, во-первых, когда она не имеет никого из родных, во-вторых, – когда она провинилась перед мужем во время траура по свекру или свекрови, и в-третьих – когда муж, женись на ней в бедности, разбогател во время сожителства с нею.

Правила, преподанные Конфуцием относительно брака, строго применяются в Китае и поныне.

В другой раз Конфуций высказал свой взгляд на управление народом. Один из учеников был назначен градоправителем и обратился к своему учителю за советами и указаниями. Конфуций

сказал ему:

– Будьте всегда прилежны в делах и внимательны, старайтесь отличать ложь от правды и истину от вероятия. Будьте справедливы, бескорыстны, верны самому себе. Правосудие не ведает лицепрятия. Бескорыстие – путь к справедливости: корыстолюбец не может быть справедливым; всякое приношение и всякий дар от низших, под каким бы предлогом они ни были сделаны, есть гнусная кража. Будьте всем доступны. Не показывайте никому мрачного лица, будьте со всеми приветливы, обходительны и ласковы. С решением дела не спешите; обсуждайте его со всех сторон. Ежегодно собирайте четыре раза народ и объясняйте ему его обязанности. Если простой народ не знает, что он должен делать, то виноват ли он, если не исполняет того, что должен? Можно ли взыскивать за нарушение закона с того, кто не ведает о существовании закона? Не отвлекайте простой народ от полевых работ, заставляя трудиться над исправлением дорог и мостов. Всему свое время!

В другой раз Конфуций дал следующее определение человека и его обязанностей:

– Человек отличается от прочих существ разумом, дарованным ему от неба. Частицы отца и матери, соединяясь в предназначенном для того органе, – суть причины нашего бытия, ибо соединение двух начал – источник всего сущего. Новорожденный не есть человек в настоящем смысле этого слова, он делается человеком тогда, когда небо одарит его разумом и способностью мыслить. Пока это разумное существо пользуется своими телесными и умственными способностями, оно живет, но как только оба начала (духовное и телесное) разъединяются – оно умирает. Постепенно развивается человек, так же постепенно и разрушается. Но это разрушение не конечно, оно есть только разложение тела на составные части, из которых каждая возвращается к своему началу: разум возвращается к своему источнику, душа сливается с воздухом, твердые и жидкие частицы тела обращаются в землю и в воду; человек, как учили древние мудрецы, есть существо особенное, совмещающее в себе качества всех прочих существ. Между прочим, он обладает способностью совершенствоваться или развращаться, смотря по доброму или злему употреблению своей воли. За злые деяния он заслуживает наказания, за добрые – награды. Таков человек!

Людей Конфуций делил на пять разрядов, смотря по их нравственным и умственным качествам. К первому, низшему, разряду он причислял всего чаще встречающихся людей, не отличающихся никакими особыми качествами, – людей, которые говорят только для того, чтобы говорить, не думая о том, говорят

ли они дело или пустяки, людей привычки, живущих жизнью чисто животной изо дня в день, не умеющих ничего сделать без указания. Понятия этого разряда людей, по мнению Конфуция, далее глаз, ушей и рта не простираются. Ко второму разряду он причисляет грамотных, образованных людей, настолько развитых, что они способны иметь понятия о вещах, недоступных понятиям простого народа. Эти люди живут сознательною жизнью, соображаясь с законами и обычаями. К третьему разряду принадлежат люди здравого смысла, которые ни в чем не отступают от него. Они одинаковы в горе и в радости, невозмутимы, добродетельны, умеют говорить и молчать. Этих людей Конфуций называл философами. Четвертый разряд составляют люди прямодушные и истинно добродетельные, и, наконец, самый малочисленный, пятый разряд – люди совершенные во всех отношениях. Только такие люди и могут стоять во главе государства, говорит Конфуций.

В подобного рода беседах и поучениях проводил Конфуций свое время. Число его учеников за это время достигало трех тысяч человек, кроме случайных слушателей. Собрания людей, стекавшихся послушать мудрого философа, с каждым днем увеличивались. Но и из княжества Сунг философ принужден был удалиться. Военачальник князя Сунг, недовольный этими сборищами, считая Конфуция нарушителем общественного спокойствия, велел разогнать учеников и слушателей, а дерево срубить.

Конфуций вновь пустился в странствования и скоро проник в княжество Тсаи, но прожил там без всякой пользы. В соседнем княжестве Чжен ему удалось спасти жизнь трех приговоренных к смертной казни преступников. Князь Чжен отнесся к философу весьма благосклонно, но его министры из зависти и боязни опасного соперника заключили Конфуция вместе с учениками в темницу. В ней философ просидел в продолжение недели, затем был освобожден войсками соседнего княжества. Конфуций мужественно перенес все эти невзгоды и даже находил силу духа утешать учеников. Освобожденный из плена, Конфуций вместе с учениками посетил священную гору Тай-Шан – место жертвоприношений древних царей, во времена Конфуция почти забытое и запущенное. Вид этого запущенного места поверг Конфуция в глубокое и грустное раздумье. В это время в душе его опять возникло сомнение в себе самом и боязнь за будущность учения, а также сильное разочарование в людях. Под влиянием таких мрачных мыслей Конфуций сказал ученикам:

– До вершины горы не достигнешь, не проходя крутыми и извилистыми тропинками; доступ к добродетели не обходится без

трудов и усилий. Не зная дороги и пускаться в нее без надежного проводника – значит подвергаться опасности заблудиться и даже погибнуть. Я хотел войти на вершину Тай-Шана, чтобы еще раз насладиться великолепным зрелищем, открывающимся с нее на все четыре стороны света. Меня не испугали ни высота горы, ни покрывающие ее густые деревья, ни обрывы, ни пропасти: я знал, что в лесах есть тропинки, а над обрывами построены мосты, и был спокоен!.. Но, увы!.. Я обманулся: тропинки исчезли под волчцом и тернием; под ними трудно разобрать, куда какая тропинка ведет, мосты обветшали, многие даже рухнули... Мне ли под силу прокладывать новые тропинки, строить новые мосты?.. Где необходимые для того орудия?.. Страсти заглушили все всходы посевов добродетели, – могу ли я очистить их от этих сорных трав? Тщетны были мои усилия направить стопы людей на путь добродетели! После всех неудач единственный мой удел – слезы и стенания!..

Глава VII

Возвращение на родину. – Последние годы жизни Конфуция. – Окончание его исторических трудов. – Смерть его и погребение. – Почести, оказанные Конфуцию после смерти

После долгих странствований Конфуций вернулся домой в княжество Лу. Здесь он узнал, что его жена умерла. Услышав это печальное известие, философ сказал:

– Супруга моя скончалась, и я скоро последую за ней. Мне 66 лет от роду. Надобно, однако же, остаток дней моих употребить с пользою. Утешьте сына моего и постарайтесь, чтобы он не слишком предавался скорби.

Последние годы своей жизни мудрец почти всецело посвятил занятиям с учениками. В окрестностях города на поляне было несколько холмов, служивших некогда алтарями для жертвоприношений, впоследствии же превращенных в места для гуляний; эти холмы были обстроены павильонами, и в них-то Конфуций занимался с учениками. Один из холмов, наиболее любимый и чаще посещаемый философом, сделался известным под именем “абрикосового кургана”. Здесь Конфуций окончательно привел в порядок древние священные книги, а также и свои сочинения. Из трех тысяч учеников 72 могли со слов учителя объяснять законы музыки и изящных художеств; правила же мудрости и добродетели в состоянии были передавать людям только 12 учеников. Эти ученики стояли всего ближе к Конфуцию и знали все его заветные думы и помыслы. Из них любимейшим был Иен-хоей, на которого Конфуций смотрел как на своего преемника, но он умер ранее учителя. Раз, прогуливаясь с тремя учениками, Конфуций приблизился к одному кургану, который, по преданию, был насыпан по повелению древнего военачальника в благодарность за одержанную победу. При виде этого кургана Конфуций сделался печальным. Озабоченные ученики спросили его, не болен ли он, приписывая причину его грусти нездоровью. Конфуций отвечал:

– Успокойтесь, я совершенно здоров, но вид этого кургана пробудил во мне грустные мысли о бренности славы человека. Подайте мне кин, я пропою вам песнь скорби: зной сменяется холодом, весна и лето – осенью. Солнце восходит за тем, чтобы течь на запад; реки стремятся с востока, чтобы ввергнуться в неизмеримое море. Однако же за осенними холодами опять являются тепло и зной; солнце, закатясь на западе, снова восходит на востоке, и воды речные, ввергающиеся в море, сменяются новыми водами. Но что же случилось с героем,

воздвигшим этот курган, где его боевой конь, где его спутники на ратном поле? Увы, единственным следом их бытия осталась земляная насыпь, поросшая сорными травами.

В другой раз, разбирая книгу превращений великого Фу-си-ши, Конфуций задумался над символом Сун-и, или знаком разрушения и возрождения. – Всему свое время, – сказал философ ученикам, – все на свете изменяется и исчезает, чтобы появиться в новом виде, но и за обновлением следует обветшание, разрушение, а там опять обновление и так до бесконечности.

Видимо, мысли о смерти все чаще и чаще стали посещать престарелого философа. Имея от роду более 70 лет, он еще раз посетил священную гору Тай-Шан, чтобы там помолиться небу. Предвидя скорый конец своему земному поприщу, Конфуций хотел возблагодарить небо за все его щедроты и милости. Он собрал всех своих учеников и привел их к одному из холмов, окружавших город. Здесь они воздвигли алтарь и возложили на него шесть книг, написанных Конфуцием, причем мудрец, преклонив колена и став лицом к северу, помолился небу. Через несколько дней он опять созвал своих учеников и объявил им свою последнюю волю.

– Созываю вас в последний раз, – сказал он, – постарайтесь запомнить слова мои, в них мое завещание. Как бы ни был умен и образован человек, он не может быть гением всеобъемлющим. У каждого человека, между остальными способностями, непременно есть одна, применяя которую к делу, он может быть истинно полезен на поприще, избранном согласно этой способности. Увлечение одной способностью в ущерб другой, более развитой, выбор должности, не подходящей к характеру, являются источником многих зол и ошибок. Мы давно уже знаем друг друга, и не со вчерашнего дня я ваш учитель. Я, как мог, исполнял мои священные обязанности по отношению к вам; вы, в свою очередь, делили со мною труды и заботы и опытом убедились в том, что знания и мудрость даются нелегко и что не менее трудно выполнять человеку его назначение. При нынешнем безотрадном положении вещей в государстве, при нежелании большинства принять преобразования в нравах, обычаях и религиозных воззрениях не надейтесь на успешное распространение моего учения. Вы сами видите, во многом ли я преуспел. Завещаю вам мои книги как драгоценный свод знаний и правил мудрости – в них залог будущего успеха моего учения. Книги эти вы должны передать потомству во всей чистоте. Для того чтобы успешнее выполнить завет мой, вы должны разделить предстоящие вам труды сообразно вашим способностям. Менгцзы, Ян-пе-ниеу и Чжун-кунг, вам я препоручаю отдел нравоучений;

Тсаи-нго и Тси-кунг, вы, имеющие дар красноречия, возьмете на себя отдел красноречия; Ян-йеу и Ки-лу, как люди светские, опытные в науке правления, вы займите государственные должности для непосредственного сближения с народом и его просвещения; Тси-юнг и Тси-хиа, знатоки древности, пусть посвятят себя наукам и преподаванию народу правил обрядов и древнего благочестия. Таким образом, каждый из вас исполнит завет мой и будет верен своему призванию.

За несколько дней до смерти философ был во дворце и смотрел с высокой башни дворца на *народный праздник духов земли*. Это был праздник в честь восьми духов земли (Та-ча), подателей плодов, овощей, хлеба и всех вообще ее произведений; он совершался два раза в год – в дни весеннего и осеннего равноденствий. Народ ел, пил, пел песни и плясал – одним словом, веселился от души. Философ, смотря на это зрелище, сказал бывшему при нем ученику Тси-кунгу:

– Меня радует, что народ на время забыл о своих бедствиях и считает себя, хотя и не надолго, довольным и счастливым!..

– Не лучше ли бы сделал народ, если бы, вместо пьянства и траты времени на непристойные забавы, он молился бы духам и приносил им благодарственные жертвы? – отвечал вопросительно ученик.

– Вы правы, – заметил Конфуций, – народу следовало бы благодарить небо за дарованные милости и просить новых; но плясками и весельем он и выражает свою благодарность. Не осуждайте его за праздность: это отдых после непрерывной стодневной работы. Неустанная работа изнуряет и тело, и душу, как ослабляется постоянно натянутая тетива у лука!

Этот же самый ученик был свидетелем и последних минут учителя.

– Упадают мои силы, – говорил Конфуций, – и уже не поправиться мне!

Затем, проливая слезы, он прибавил:

– Нет у меня силы поднять голову, чтобы взглянуть на вершину Тай-Шана!.. Члены мои – как подгнившие стропила здания; я поблек, как трава!.. Кто после моей смерти возьмет тяжкий труд поддержать мое учение?!

Эти слова сожаления, что некому будет поддержать его заветов, были вместе с тем и его последними словами. Вскоре он впал в усыпление и после семидневного бессознательного состояния скончался на 73-м году жизни, в 479 году до Рождества Христова. При совершении похорон Конфуция строго придерживались древних обрядов.

Сын его умер ранее отца, авнук Тси-сеи был еще малолетен и

не мог принять участия в погребальных обрядах, вследствие чего эту обязанность приняли на себя два ученика покойного философа.

Закрыв глаза усопшего, они вложили ему в рот три щепотки рису и облекли труп в одиннадцать различных одеяний; из них верхнее было то, в котором покойный мудрец являлся обыкновенно ко двору. На голову надели шапки в виде тех шапок, какие присвоены государственным министрам. Почетный знак, медальон из слоновой кости, повесили на шею на шнурке, ссученном из пяти разноцветных нитей. Одетое таким образом тело положили в двойной гроб из четырехдюймовых досок и поставили на катафалк под балдахином. Вокруг катафалка были расставлены треугольные значки, а в изголовье четырехугольная хоругвь. После того ученики от имени внука покойного купили участок земли в 100 саж. На этом участке были насыпаны три земляных куполовидных кургана; из них средний, предназначенный для погребения, был сделан выше боковых. На нем посадили дерево Киале, иссохший ствол которого сохраняется доныне.

При погребении присутствовали родственники и ученики Конфуция. Предав земле тело покойного, ученики дали обещание почтить память учителя трехлетним трауром. Тси-кунг наложил на себя шестилетний траур, в продолжение которого жил на могиле своего учителя в нарочно выстроенной хижине. Прибывшие на похороны с разных концов Китая ученики привезли с собою каждый по дереву и посадили деревья эти вокруг гробницы. Сто человек с семействами поселились близ места вечного успокоения мудреца и образовали деревню, названную Кунг-ли; причем, объявив покойного своим господином, просили его внука считать их своими крепостными. Когда князю Лу принесли известие о кончине Конфуция, он воскликнул:

– Небо прогневалось на меня!.. Я лишился неоцененного сокровища!

Желая хотя бы после смерти философа чем-нибудь загладить причиненную при жизни ему несправедливость и обиды, князь приказал построить близ гробницы Конфуция часовню в память его, точно такую же, какие обыкновенно воздвигались князьями в память их предков, чтобы в этой часовне все ученики и последователи Конфуция могли воздавать почести памяти великого человека по существующим обрядам. В часовне поставили портрет Конфуция, положили на алтарь его сочинения, по стенам развесили его парадные одеяния и музыкальные инструменты, тут же поставили его домашнюю мебель и

дорожную колесницу. Открытие часовни было необыкновенно торжественно. Князь Лу признал Конфуция своим учителем. Ученики уговорились раз в год приходить к гробнице учителя на поклонение ему и на богомолье. В течение двух тысяч лет это обыкновение соблюдалось и соблюдается доныне. Кроме того, почти в каждом городе воздвигли впоследствии часовню в память мудреца. При первом богдыхане из династий Ган (за 200 лет до Рождества Христова) обряд воспоминания был признан обязательным и для государей. С этого времени на философа стали смотреть как на святого и воздавать ему божеские почести.

Впоследствии было установлено, чтобы каждый ученый, приступая к экзаменам на ученую степень, или мандарин, вступающий в государственную службу, непременно поклонялся памяти Конфуция в посвященных ему часовнях. Постановление это было введено в 998 году по Р. Х., почти через полторы тысячи лет после смерти Конфуция. Кроме сооружения часовен в честь преобразователя, князь Лу дал ему прозвище отца Ни. При династии Ган ему дал титул *кунга* (герцога, светлости), при династии Танг – титул первого святого, а впоследствии – императорского проповедника. При династии Минг его называли святейшим, мудрейшим и добродетельнейшим из всех учителей рода человеческого. Живописные и скульптурные изображения его повелено было увенчивать императорской шапкой и облачать в царские одежды. Эта высшая степень почета неизменно соблюдается и поныне. Потомки Конфуция были возведены в звание потомственных дворян. При императоре Кон-хи их насчитывалось до 11 тысяч человек мужского пола.

Глава VIII

Успех учения Конфуция. – Причины этого успеха. – Характеристика Конфуция и его учения

Как мы видим, опасения Конфуция, высказываемые им перед смертью и не раз в продолжение его деятельности, что некому будет поддержать и распространить его учение, ввиду окружающей его распушенности нравов и ослабления государственной жизни, были не основательны.

Вместо того, чтобы заглухнуть вместе со смертью Конфуция, оно получило необыкновенный рост и укоренилось навсегда в народном сознании.

Почему же это так? Конфуций как реформатор не похож на других подобных деятелей в истории; он не внес в жизнь своего народа чего-либо нового, что было бы плодом его внутренней умственной и духовной работы. Он и сам не выдавал себя за творца и провозвестника нового учения, чем он и не был на самом деле. Все, о чем он учил и проповедовал, было раньше возведено древними мудрецами и жило в сознании массы, хотя и в полузаглушенном состоянии, под давлением тяжелого государственного положения. Сам Конфуций, когда его спросили – не лучше ли будет, если он упростит и несколько смягчит свое учение, так как оно не имеет успеха, быть может, потому, что его начала слишком высоки, чисты и недоступны для большинства? – сказал:

– Мое учение есть учение, завещанное нам нашими праотцами. Я не имею права ни прибавлять к нему, ни убавлять чего-либо. Я передаю его во всей первобытной чистоте. В отношении к моему учению я то же, что сеятель к сеямым им семенам. Может ли сеятель придать семени иную форму или заставить его дать раньше определенного времени росток, всход и жатву? Дело сеятеля посадить семена в землю, поливать их, заботиться о них – все же прочее не в его власти...

– Мое учение не прямой, обычный путь, – говорит он, указывая этими словами, по объяснению комментаторов, на трудность и медленность распространения его учения, – оно неизменно как небо, которое есть его творец, и текло как поток от древних времен Яо и Шуна.

Но несмотря на такие трудности, его учение вполне отвечало народному духу, и воззрения Конфуция вполне согласовались с воззрениями массы. Конфуций воплотил в себе полнейшее отражение китайского народного характера со всеми его достоинствами и недостатками. Он был чистокровнейший китаец,

“китаец из китайцев”, полнейший выразитель народного духа, его мирозерцания. Китаец по своим воззрениям прежде всего был и есть реалист. Он и мыслью, и чувствами всецело привязан к непосредственному, видимому и осязаемому. Все идеальное, все, что выходит за пределы действительности, ему, по-видимому, совершенно чуждо. Китаец в своей жизни руководствуется исключительно одним сухим расчетом, он до крайности сух и безыдеен. Само воображение у китайца развито гораздо менее чем у других народов. Такой же сухой, рационалистический характер без малейшего следа идеализма видим мы и в учении Конфуция, и в самом Конфуции. Вот почему уставы и формы, заведенные Конфуцием, пережили все перевороты, и всякая попытка заменить отжившую старину новыми и лучшими учреждениями всегда отвергалась с презрением китайцами, так как “князь мудрости все преподавал, все сказал, все постиг”. Вот почему учение его было принято и проникло в кровь и плоть народа без всяких потрясений и кровопролитий, и все китайцы без различия вероисповедания – конфуцианцы.

Один из последователей и родственников Конфуция характеризует личность Конфуция следующими словами: “Лишь один он владеет всеми качествами мудреца, какие только существуют в поднебесном мире, – великодушный, кроткий, благородный, добродетельный, с всепроникающим умом, со всеобъемлющим знанием, спокойный в затруднениях и ясный в распознавании вещей, твердый и непоколебимый; он – небо и земля, которые все питают и поддерживают; он – четыре времени года в их последовательной смене; он – солнце и луна. Глубокий и деятельный, как источник живой воды, распространяющий вокруг себя благоденствия, он подобен бездне и обширен как небо. Таков он, и вся природа почитает его, верит ему и преклоняется пред ним. Слава его имени распространилась по всему Срединному царству и доходит до народов Мань-ма. Повсюду, где плавают суда, ездят колесницы, куда проникает человеческая сила, где только простирается покров неба, поддерживаемый землей, где только светят солнце и луна, где падают роса и иней, все, кто живет и дышит, славят и любят его”.

Так же смотрят на своего “святейшего, мудрейшего и добродетельнейшего” учителя и все китайцы. Он дорог им, потому что был прежде всего практик. Как мы видели, он не любил рассуждать о том, что выше действительности и осязаемости. Темами его бесед чаще всего были древняя история, народные песни и древние обряды; лишь изредка касался он в своих беседах высших предметов и при этом избегал всяких метафизических отвлеченностей.

– Я предпочитаю о многом не говорить, – сказал он своим ученикам в одной из своих бесед, и это он считал достоинством и признаком мудрости.

Вот как он характеризует истинный тип мудреца:

– Истинный мудрец не является на пиршества не приглашенный, чтобы блистать на них; но он ждет, чтоб его пригласили. Будучи приглашен, подобно прочим, он сообразуется с правилами благоприличия и условиями света. Если им особенно не занимаются, он не выказывает на то ни малейшего неудовольствия. Учится он с утра до вечера. В случае предложения ему должности, мудрец (если сознает в себе достаточно способностей) принимает ее и исполняет с точностью. Почестей он не ищет, на сокровища не зарится: единое его сокровище, которого он жаждет, – мудрость; величайшая для него почесть – название мудреца. Вверяется он людям благонадежным, беседует с людьми прямодушными, пред высшими не пресмыкается, пред низшими не возносится – с первыми он почтителен, со вторыми приветлив. Он каждому воздает должное. Приходится ли ему выговаривать за ошибку или давать наставления, он делает это с крайнею осторожностью, не оскорбляя ничьего самолюбия. Людей умных он уважает, но похвалы их не домогается: он пред ними не унижается и не возносится. Исполняя во всем и всегда свой долг, он ничего не боится – в своей верности и правоте он находит верную защиту от всяких нападков; закон и правосудие – его неизменное оружие. Любя всех людей, ему нечего бояться; самые тираны ему не страшны. Как бы ни были обширны его познания, он постоянно заботится об их умножении. Отличаясь безукоризненностью в поведении, он все-таки неослабно наблюдает за собою. В честности и добре нет ничего маловажного. На службе мудрец строг, но одинаково ласков и приветлив со всеми, весел и всегда ровного нрава со своими друзьями. Ему приятнее общество мудрецов, но и немудрыми он не пренебрегает. В семье мудрец любит одинаково всех своих домашних; любимцев у него нет. Если кто обидит мудреца словом или делом, он не выказывает ни гнева, ни раздражения. В каком бы состоянии ни был мудрец, он всячески старается быть полезным отечеству или согражданам; оказав услугу, он ею не хвалится, но скромно и терпеливо ждет воздаяния за нее. Если же его обойдут наградой, он не ропщет и не жалуется. Похвала честных людей, сознание, что он сделал добро для добра, – вот самые лестные для него награды. Если же его взыщут почестями, он не гордится и по-прежнему доступен всем и каждому. Ему неведомы зависть, надменность, презрение – он со всеми живет в согласии. Последнее порождает всеобщую к

нему благосклонность. Главный же источник мудрости – любовь и сострадание ко всему человечеству.

Таков был в своей жизни и Конфуций. Все описания его личности, сохранившиеся от его непосредственных учеников, показывают, что философ был справедливым, деятельным, честным, хладнокровным и сдержанным человеком. “Учитель, – говорят они, – был ровен, полон достоинства, почтителен и вежлив, но с сознанием собственного достоинства и всегда спокоен. В личной жизни и быте – умерен и приличен. Не ел много, когда ел – не говорил, когда был в постели – тоже молчал; сидя в колеснице, держался прямо...” Будучи практиком в жизни, Конфуций является таким же и в своем учении. Все его беседы и наставления носят характер житейской мудрости и не возвышаются над обычными, естественными требованиями житейского обихода. Все его учение заключается в следующих трех правильных отношениях: государя к подданным, отцов к детям, мужей к женам и в точном соблюдении пяти верховных добродетелей или обязанностей: человеколюбия, то есть сострадания ко всем нам подобным без различия, затем правосудия, или воздаяния каждому должного без всякого лицепрятия, повиновении действующим законам и соблюдении установленных обрядов господствующей религии, правдолюбия, то есть неуклонном отвращении от всего ложного и, наконец, верности и честности всегда и во всем. В этих отношениях и добродетелях Конфуций видел счастье человеческого рода и, обставив их известными церемониями, создал свое учение о нравственности. Основным принципом этой нравственности является отсутствие увлечений, равновесие в деятельности, сохранение и соблюдение середины во всех поступках – умеренность и сдержанность всегда и во всем и, как результат этого спокойствия, невозмутимость – вот нравственное совершенство, к которому должен стремиться мудрый. Человек во всем должен придерживаться середины: он не должен иметь ни чрезмерной злобы, ни чрезмерной любви, не должен слишком предаваться печали, ни восторгаться от радости, одним словом, в нем должно быть полнейшее отсутствие крайностей и увлечений – в этом заключается основное правило личной нравственности. То же должно соблюдать и в нравственных отношениях к другим людям, то есть стараться избегать причинять другим то, чего себе не желаешь, сохраняя таким образом и здесь гармонию. Все остальные нравственные добродетели приводятся к тому же началу. Справедливость и честность, верность себе и своему слову, искренность как основа мирных и добрых отношений в общественной жизни и средство к устранению недоразумений,

послушание и почтительность к старшим, кротость, терпение и наконец вежливость ко всем без исключения непосредственно связаны с началом середины или гармонии. Эта сдержанность во всех душевных проявлениях, разумеется, обуславливает некоторую сдержанность и в чувственных наслаждениях.

Учение о середине является стимулом, обуславливающим и охватывающим весь внешний быт народа, весь образ его жизни, весь государственный строй, а также нравственное и духовное состояние народа. Для того чтобы укоренить это учение в уме народа, Конфуций создал целый кодекс обрядов или так называемых церемоний. Церемонии являются сдерживающим началом – благодаря им человек знает, как ему надо поступать в известное время и при известных обстоятельствах, и сумеет вести себя прилично и с достоинством, избегая разного рода столкновений, ссор и брани. Конфуций говорил, что церемонии показывают связь неба с землею, утверждают порядок между людьми, что они прирождены человеку, а не составляют только искусственную внешнюю прикрасу его. Он учил, что они основаны на различии вещей по их низшему или высшему достоинству, на замечающемся повсюду разнообразии в природе и что поэтому-то и введены различные постановления, касающиеся одежды, браков, похорон, жертвоприношений, представления ко двору, определены отношения между государем и небом, государем и чиновниками его, отцом и детьми, старшими и младшими, мужем и женой и, наконец, между друзьями.

И действительно, церемонии введены во весь обиход китайской жизни – даже средства к образованию самого себя, домашний и хозяйственный обиход, управление государством, даже устройство вселенной не может обойтись без церемоний. Одним словом, в церемониях заключается все учение Конфуция о морали, весь кодекс его нравственных правил. В них заключается вся нравственная сторона человека – любовь, истина, мудрость, знание, честность, все в них предусмотрено и все ими обусловлено. Таким образом, обрядность заступила место религии и совершенно подавила идею о нравственности, основанной на свободном убеждении человека в необходимости добра. Любовь, добро, жертвы и прочее – все рассматривается с практической точки зрения: человек должен любить ближних, творить добро, приносить жертвы потому, что это ему полезно, так как и ему могут воздать тем же.

Конфуций стремился вести людей к истинному счастью, а счастье видел в созданной им морали, которую он приводит к одному основному закону – безграничному повиновению детей

родителям, жен мужьям и подданных правительству и соблюдению умеренности или середины во всех чувствах человека.

“Голосистая иволга находит себе убежище на краю утеса и знает, где ей остановиться. Почему же человек не достигает до птицы, – говорит Конфуций, – то есть почему человек не всегда придерживается середины в своих действиях?”

На этом учении о середине основывается и весь строй семейной и политической жизни Китая. Будучи сторонником демократических начал и неограниченной власти государя, тем не менее он ограничивал последнюю своим учением о середине; по его мнению, “противиться государю можно только при чрезмерных требованиях; довольствующемуся малым легко и повиноваться”. Умеренность рекомендуется им правителям.

Таким образом, в своем учении Конфуций является восстановителем и преобразователем древней морали, но не религиозным реформатором. Он вообще мало говорил о вещах, касающихся религии; он нашел религию уже развитою и не находил нужным или просто избегал говорить о ней, не желая рассуждать о том, что выше действительности и осязаемости. Тем не менее, он старательно поддерживал все древние религиозные обряды, хотя на вопросы о значении или сущности их он отвечал уклончиво или темно. Например, он старался сохранить в народе почитание духов, представителей отдельных сил и явлений природы, которые, по его словам, будучи очень многочисленны, находятся невидимо в теле каждой твари и, подобно разливающейся воде, носят над головами справа и слева. Обычай поклонения предкам также признавался Конфуцием, как это мы знаем из слов, произнесенных им при погребении матери. Вообще, на эти поклонения духам природы и душ умерших Конфуций смотрел как на обычаи, полезные для массы народа с нравственной стороны, и на скептический вопрос одного из учеников относительно значения приносимых в жертву духам овец сказал:

– Вы жалеете овец, а я желал бы сохранить обряд!

Спрошенный в другой раз о том, что значит жертвоприношения предкам вместе с жертвоприношениями небу, он сказал: “Небо – всемирное начало и животворный источник бытия. Предки же наши – источник нашего бытия и последующих поколений. Благодарить небо – первый долг человека, второй долг его быть признательным к своим праотцам. Поклоняясь небу, мы поклоняемся предкам!”

В вопросах о бессмертии Конфуций прямо уже умалчивает. Раз один из учеников сказал: “Учитель, я хотел бы спросить о

смерти и о состоянии после смерти?” Конфуций ему ответил: “Если вы не знаете жизни, то как можете знать о смерти?” Даже перед смертью он грустит только о бренности и непрочности человеческой славы, о скоротечности жизни, но не высказал ни одного слова опасения или смущения ввиду неизвестности будущего или о том, куда он идет. Здесь высказался в Конфуции чистокровный китаец – выдающаяся черта характера этого народа есть его поразительное равнодушие к жизни^[3]. На вопрос о состоянии умерших предков на том свете и о том, как служить духам умерших, Конфуций также отвечал уклончиво: “Если мы не можем хорошо служить живым, то как мы можем служить умершим?” Как нам известно, тем не менее, сам он строго исполнял все обряды, чтобы своим примером побудить и других к тому же, имея в виду развить уважение к предкам, а вместе с тем и к завещанным ими правилам жизни. С этой целью он требует, чтобы к предкам относились так же, как к живым лицам, хотя и не верил в их действительное существование. Когда его спросили, что значит приношение пищи в жертву предкам и разве могут усопшие употреблять ее, Конфуций отвечал: “Ни в каком случае; но это делается для того, чтобы мы привыкли относиться к предкам с почтением, как бы к живым”. Тот же чисто житейский расчет и практический смысл характеризуют ответ, данный Конфуцием на вопрос, знают ли предки о том, что делают их потомки, видят ли они их, слышат ли? – “Трудно сказать на это что-либо определенное, – отвечал Конфуций. – Если я скажу, что предки чувствуют почтение, оказываемое им их потомками, что они знают, что делается на земле, то исполненные детской любви сердца живых отдадутся исключительно служению усопших и будут невнимательны к своей собственной жизни; наоборот, если я скажу, что предки не знают о жизни своих потомков, то ослабеет усердие к почтению их памяти и священный союз живых с усопшими потеряет цену. Продолжайте, не рассуждая, почитать память предков и представлять их свидетелями наших поступков. Это самое лучшее”.

Одним словом, Конфуций признавал разного рода религиозные обряды и находил в них смысл только как в средстве дать покой государству, а вместе с последним и благосостояние народу. Выше этого он не поднимался, как истый китаец, не признающий никаких откровений и не верующий ни во что чудесное и сверхъестественное, он смотрел на них с точки зрения практической пользы. Таким образом, Конфуций является практическим философом – моралистом, утилитаристом. Его учение вполне совпало с народным характером и народными воззрениями китайцев, и это-то дало ему ту силу и то влияние,

какими оно пользуется в Китае и поныне.

notes

Примечания

В Китае, где знатное происхождение имеет весьма важное значение, мудрец не мог произойти от незначительных родителей (*Хрисанф*). – Авт.

В китайских священных книгах говорится: “Кто исполняет траур, тому пища не сладка, музыка не весела, жизнь не спокойна... Сын только через три года сходит с рук родителей, и потому трехгодичный траур обязателен для всех”. – Авт.

Архиепископ Хрисанф говорит, что китайцы имеют обыкновение еще при жизни заказывать себе гробы. – Авт.